

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ БАЖЕНОВЪ.

(Изъ Кавказскихъ воспоминаній А. А. Черткова).

I.

Въ 1852 году я пріѣхалъ на Кавказъ для поступленія на службу и былъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ юнкеромъ. Полковой штабъ находился во Владикавказѣ, который тогда считался только крѣпостію и еще не былъ преобразованъ въ городъ. Я живо припоминаю сильное впечатлѣніе, которое произвели на мое юношеское воображеніе горы. Владикавказъ раскинутъ у самаго подножія величаваго Казбека, воспѣтаго Лермонтовымъ. Верстъ 20 далѣе начинается уже крутой подъемъ на горы. Въ особенности памятна мнѣ одна лунная ночь, когда я наслаждался этою чудною и величественною картиною высокихъ горъ, увѣнчанныхъ вѣчными снѣгами, которыя, по странному оптическому обману, казались мнѣ, какъ будто, нависшими надъ моею головою. Терекъ, протекающій черезъ городъ, разделяетъ его почти на двѣ равныя половины: часть города по сую сторону рѣки называлась тогда Навагинскимъ форштадтомъ; тамъ находилась штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка. Въ этой же части, болѣе походящей на городъ,—соборный храмъ, одна церковь, двѣ плохихъ гостинницы, нѣсколько лавокъ и дома значительнѣйшихъ туземныхъ гражданъ. Часть другая Владикавказа, по ту сторону Терека, называемая Тенгинскимъ форштадтомъ, состояла вся изъ полковаго штаба и полковыхъ построекъ. Здѣсь Терекъ, обыкновенно очень быстрый и, можно сказать, бурный, несравненно спокойнѣе; но однако и здѣсь его сила такова, что онъ свободно передвигаетъ по руслу двухаршинные каменья.

Еще до моего прибытія въ полкъ, мнѣ уже было извѣстно, что я буду опредѣленъ въ 3-й баталіонъ, которымъ въ то время командовалъ майоръ Александръ Алексѣвичъ Баженовъ. Явившись въ квартиру полковаго штаба, я спѣшилъ ознакомиться съ офицерами и, когда сталъ

ихъ распрашивать о моемъ будущемъ командирѣ, то съ удовольствіемъ услышалъ подтвержденіе всѣхъ тѣхъ похвальныхъ отзывовъ, которые я и прежде о немъ слышалъ.

Одинъ изъ старыхъ служакъ, капитанъ К... выслужившійся изъ солдатовъ, выразился о немъ весьма оригинально и очень мѣтко очертилъ его въ двухъ словахъ: «Ну, про Александра Алексѣевича и говорить нечего; *этотъ человекъ родился на заказъ*».

Я въ послѣдствіи часто вспоминалъ эти слова, и чѣмъ ближе узнавалъ Баженова, тѣмъ болѣе убѣждался въ истинѣ, что такіе люди—рѣдкость.

II.

Нѣсколько дней по пріѣздѣ въ полкъ, мнѣ пришлось присутствовать на смотрѣ 1-го баталіона, передъ его выступленіемъ куда-то въ походъ. Никогда не позабуду того впечатлѣнія, которое произвела на меня внѣшность этихъ заслуженныхъ ветерановъ: вся первая шеренга состояла преимущественно изъ пожилыхъ воиновъ съ длинными бѣлыми усами; почти у каждого на груди свѣтился Георгіевскій крестъ; многіе имѣли еще и Анненскіе знаки за 20-лѣтнюю безпорочную службу, и у рѣдкаго было менѣе двухъ нашивокъ.

Это все были люди закаленные въ бою, издавна сдружившіеся съ лишеніями и трудностями утомительныхъ походовъ, и на лицѣ каждого можно было угадать, что подъ видимымъ спокойствіемъ, которое дается непоколебимымъ сознаніемъ внутренней несокрушимой силы, таилась отвага молодецкая. Рѣдкій изъ нихъ не бывалъ хотя однажды раненъ на своемъ вѣку, а иной и много сохранялъ таковыхъ мѣтокъ, считая по нимъ тѣ кровавыя сѣчи, въ которыхъ Господь привелъ его побывать.

Можно сказать, что тогдашнія Кавказскія войска и по наружному своему строю, и по личнымъ доблестямъ каждого воина, далеко превосходили славную Наполеоновскую гвардію.

Въ скоромъ времени послѣ меня, по какимъ-то надобностямъ прибылъ въ штабъ-квартиру полка и мой батальонный командиръ, маіоръ Баженовъ. Не безъ нѣкотораго трепета предсталъ я предъ моего непосредственнаго начальника, отъ котораго, какъ очень хорошо мнѣ было извѣстно, должна была зависѣть успѣшность моей службы и вся моя будущность. Я былъ юнкеромъ, и не трудно было, въ то суровое время неумолимой, Спартанской дисциплины, придавить на первыхъ же порахъ такую неважную личность. Не даромъ сложилась военная по-

говорка, что у насъ на Руси, какъ на почтовой лошади, такъ и на юнкерѣ выѣзжаетъ каждый, кто захочетъ... По крайней мѣрѣ такъ это водилось въ то время.

III.

Наружность Баженова произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собой человѣка еще молодаго, лѣтъ 30 или не много болѣе; средняго роста, повидимому крѣпкаго тѣлосложенія, съ чрезвычайно милымъ и привлекательнымъ лицомъ, и хотя черты не были ни правильны, ни особенно красивы, но въ общемъ лицо Баженова нравилось съ перваго взгляда. Его голубые, добрые глаза смотрѣли ласково и мягко; но невольно чувствовалось, глядя на нихъ, что они могутъ и не всегда такъ смотрѣть, и какъ будто хотятъ сказать: «Ты смотри, братецъ, помни, что у меня дружба — дружбой, а служба — службой».

Онъ принялъ меня привѣтливо, сдѣлалъ нѣсколько поверхностныхъ вопросовъ, выразилъ надежду, что я буду хорошо служить въ его батальонѣ и затѣмъ далъ мнѣ разрѣшеніе пробить еще нѣсколько дней въ полковомъ штабѣ для разныхъ покупокъ, заказовъ и т. п., а послѣ того велѣлъ мнѣ немедленно явиться въ *Самашинскую* станцію, на *Сунджинскую* линію, гдѣ былъ штабъ нашего 3-го батальона.

IV.

А. А. Баженовъ родился 14 Августа 1818 года въ Сибири. Отецъ его, служившій въ томъ краю и тамъ же умершій, оставилъ жену съ малолѣтнимъ сыномъ безъ всякихъ средствъ.

Кое-какъ удалось матери Баженова выбраться изъ Сибири, и она прибыла въ Москву.

Безукоризненная служба покойнаго Баженова (природнаго дворянина С.-Петербургской губерніи) дала право его вдовѣ поступить въ число вдовъ только что учрежденнаго тогда *Вдовьяго Дома*. Она вышла потала дозволеніе имѣть при себѣ своего малолѣтняго сына.

Екатерина Ивановна Баженова, живая и трудолюбивая женщина, не смотря на весьма стѣсненные обстоятельства, казалась всегда спокойною, довольною и веселою. Она скоро пріобрѣла расположеніе вдовъ, жившихъ вмѣстѣ съ нею, и пріязнь ихъ къ матери, весьма естественно, отразилась и на сынѣ, котораго старушки вдовы любили и ласкали. Первые впечатлѣнія дѣтства бываютъ очень сильны, и потому не удивительно, что отличительною чертою въ характерѣ А. А. Баженова была удивительная мягкость, сдержанность и привѣтливость.

Когда сирота Саша подростъ, и ему нельзя было долѣе оставаться при матери во Вдовьемъ Домѣ, онъ былъ опредѣленъ, по ея просьбѣ, на казенный счетъ въ 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Хорошо подготовленный, онъ не замедлилъ попасть въ число учениковъ самыхъ исправныхъ, какъ по занятіямъ, такъ и по поведенію. Будучи характера весьма серьезнаго, онъ мало участвовалъ въ пустыхъ забавахъ своихъ товарищей, болѣе занимался чтеніемъ, и съ нетерпѣніемъ дожидался воскреснаго или праздничнаго дня, чтобы побывать у матери. Приходъ Саши во Вдовій Домъ бывалъ праздникомъ не для одной Екатерины Ивановны, но и для другихъ старушекъ, жившихъ вмѣстѣ съ нею въ большой общей палатѣ Вдовьяго Дома: онъ выросъ на ихъ глазахъ, и потому каждая считала его какъ бы своимъ пріемышемъ; каждая дѣлала ему приличныя наставленія, ласкала, ласкомила, молилась за него и обнимала, и цѣловала, когда онъ, прошедши всю Москву изъ конца въ конецъ, являлся къ матери на нѣсколько часовъ. Всѣ его любили и принимали въ немъ живѣйшее участіе во время экзаменовъ; обступивъ малолѣтнаго кадета, вдовы спрашивали въ нѣсколько голосовъ:

— «Ну что, какъ, благополучно ли?

— Хорошо ли сошло съ рукъ?

— «Перейдешь ли ты, какъ думаешь?

Екатерина Ивановна, между тѣмъ, была выбрана въ число Сестеръ Милосердія и, ухаживая за больными и сидя у изголовья умирающихъ, не одинъ разъ, можетъ быть, во время безсонныхъ томительныхъ ночей, мысленно обращалась съ молитвою ко Господу и прибѣгала къ ходатайству Царицы Небесной, за своего сиротку-сына. Господь услышалъ вдовью молитву: Августа 13-го 1835 года Баженовъ былъ выпущенъ изъ Корпуса прапорщикомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, находившійся въ то время на Кавказѣ.

Сильна молящихся рука!

По всей вѣроятности, еслибы Баженова любила сына не съ тѣмъ полнымъ самоотверженіемъ, которое есть всегдашняя принадлежность настоящаго чувства, она постаралась бы удержать его при себѣ и не скоро рѣшилась бы отпустить въ дальній и незамиренный еще край; но ея любовь была на столько чиста и глубока, что исключала всякое личное чувство и не дозволила ей даже и на мгновеніе подумать о себѣ самой, о своемъ одиночествѣ и, при первомъ шагѣ молодаго человѣка на житейскомъ поприщѣ, смутить его неумѣстными материнскими нѣжностями.

V.

Молодой Баженовъ явился въ Тенгинскій полкъ. Мало знакомый съ жизнію вообще и не имѣя никакого понятія о составѣ разнороднаго Кавказскаго общества, въ то время не отличавшагося ни строгою нравственностью, ни воздержаніемъ, онъ на первыхъ же порахъ попалъ, къ сожалѣнію, въ кружокъ людей весьма сомнительнаго образа жизни. Нѣсколько дней спустя по его прибытіи въ штабъ-квартиру полка, онъ попалъ на вечеринку, гдѣ пошелъ, какъ водится, кутежъ: попойка и карточная игра. Никогда не пивавшій, семнадцатилѣтній юноша легко ощутилъ дѣйствіе вина и пришелъ въ то возбужденное состояніе, въ которомъ, какъ говорится, *море по колено*. Его безъ труда уговорили принять участіе въ общей игрѣ, онъ ставилъ карту за картой, почти не сознавая что дѣлаетъ; счастье ему не везло, и онъ тогда лишь бросилъ карты, когда проигралъ всѣ свои триста рублей....

Ужасно было его пробужденіе: онъ съ ужасомъ припомнилъ, что проигралъ трудовыя деньги матери. Эта мысль не давала ему покоя. Къ тяжелой нравственной пыткѣ присоединилось сознаніе, что, проигравшись, онъ остался совершенно безъ средствъ. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; на помощь неопытному юношѣ явился одинъ изъ старыхъ заслуженныхъ офицеровъ, который принялъ въ немъ живое участіе: пригласилъ его къ себѣ на квартиру, отечески и дружески пожурилъ за увлеченіе и легкомысліе, взялъ обѣщаніе быть впередъ осторожнѣе и, наконецъ, предложилъ ему въ займы деньги, необходимыя для жизни, и для большаго облегченія предоставилъ ему возможность выплачивать свой долгъ понемногу изъ получаемаго жалованія.

Этотъ первый урокъ имѣлъ благотворное дѣйствіе на Баженова: онъ далъ себѣ честное слово во всю свою жизнь не брать картъ въ руки и сохранилъ свое обѣщаніе до конца. Сослуживцы и знакомые его знаютъ, что въ немъ была страсть къ игрѣ; но онъ подавилъ ее въ себѣ и удовлетворялъ только тѣмъ, что любилъ, какъ это случалось во время стоянокъ и въ лагеряхъ, сидя иногда до поздней ночи возлѣ играющихъ, смотрѣть на чужую игру.

Въ слѣдующемъ (1836) году Баженовъ былъ назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ. Въ 1838 году за отличіе въ дѣлахъ противъ Горцевъ, онъ былъ произведенъ чиномъ, награжденъ орденомъ Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и въ томъ же году получилъ Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ; за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля произведенъ въ поручики и удостоенъ высочайшаго благово-

ленія. Въ 1840 году онъ былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и назначенъ полковымъ казначеемъ.

Въ 1841 г., въ бытность его въ землѣ *Убыховъ*, онъ удостоился именнаго монаршаго благоволенія за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ, и вторично въ 1842 г. получилъ таковую же награду. Въ 1845 году онъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и зачисленъ адъютантомъ къ командиру 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, весьма извѣстному въ то время и заслуженному генералу *Лабенцову*. За отличіе и мужество противъ горцевъ въ 1846 г. Баженовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, а въ 1849 году по возвращеніи въ полкъ произведенъ въ капитаны и удостоился рѣдкой по своему чину награды—*золотой сабли* съ надписью «за храбрость».

Въ это время онъ командовалъ 3-й гренадерской ротой. Будучи еще въ капитанскомъ чинѣ, онъ получилъ въ слѣдующемъ, 1850 году, Анну 2-й степ. съ мечами и въ томъ же году за отличіе произведенъ въ майоры и награжденъ Георгіемъ 4-й степени за 25 лѣтъ безпорочной службы, а въ 1852 г. удостоился императорской короны на имѣвшійся уже у него орденъ Анны 2-й степени, и снова получилъ монаршее благоволеніе.

Въ началѣ 1853 г., не задолго до моего прибытія на службу, Баженовъ былъ утвержденъ баталіоннымъ командиромъ, и въ то время, съ котораго начинается мой разсказъ, онъ былъ уже опытнымъ и заслуженнымъ воиномъ и пользовался немалою извѣстностью во всѣхъ концахъ Кавказа. Начальство цѣнило его за примѣрную точность въ исполненіи служебныхъ обязанностей; товарищи и сослуживцы любили за открытый, прямой, честный и веселый характеръ, а подчиненные за его привѣтливо-ласковое и справедливо-взыскательное съ ними обращеніе.

Умѣренный въ потребностяхъ и весьма воздержный въ жизни, Баженовъ скоро привелъ свои дѣла въ порядокъ: сперва уплатилъ небольшіе долги, а послѣ того сталъ понемногу откладывать ежегодно, и такимъ образомъ у него незамѣтно образовался небольшой капиталъ. Кромѣ того, онъ ежегодно удѣлялъ извѣстную часть изъ жалованья своей матери, и по мѣрѣ того, какъ повышался въ чинахъ и его жалованіе возрастало, соотвѣтственно увеличивалась и сумма ей посылаемая.

Онъ не видался съ нею уже болѣе 12 лѣтъ и какъ онъ ни желалъ этого свиданія, обстоятельства не позволяли и подумать объ отпускѣ; наконецъ, въ 1852 году, онъ улучилъ свободное время, взялъ отпускъ на четыре мѣсяца и, не предупредивъ матери о своемъ пріѣздѣ, отправился въ Москву.

Онъ явился во Вдовій Домъ неожиданно. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ старушекъ внезапное появленіе молодаго и заслуженнаго Кавказскаго героя!

VI.

Возвращаюсь теперь къ прерванному разсказу о себѣ.

Заказавъ и искупивъ все для меня нужное, я снарядился въ путь. Собщеніе между Владикавказомъ и Сунджинской линіей совершалось въ то время раза два въ недѣлю посредствомъ такъ называемыхъ *оказій*, т. е. у извѣстныхъ воротъ крѣпости собирались разные казенныя и частныя подводы, возницы которыхъ обязательно должны были имѣть при себѣ оружіе и, кромѣ того, всему обозу давался для сопровожденія конвой (глядя по мѣстности, куда онъ отправлялся), состоявшій изъ полу-роты, изъ цѣлой роты, а иногда даже и изъ двухъ, при орудіи; и сверхъ того еще и нѣсколько конныхъ козаковъ, число которыхъ также увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ, сопровождали каждую подобную оказію. Старшій офицеръ конвойныхъ войскъ становился какъ бы временнымъ начальникомъ отдѣльнаго отряда, и всѣ, составлявшіе оказію, должны были безпрекословно ему повиноваться.

Установленный порядокъ шествія подобныхъ оказій былъ слѣдующій: впереди для рекогносцировки мѣстности обыкновенно ѣхалъ козацій разъѣздъ подъ начальствомъ офицера или урядника, смотря по численности своего состава; затѣмъ слѣдовалъ пѣхотный авангардъ, за нимъ тянулись подводы на протяженіи версты или болѣе; иногда, по распоряженію начальника оказіи, шла боковая цѣпь стрѣлковъ, съ той именно стороны обоза, съ которой можно было предположить непріятельское нападеніе. Весь этотъ длинный потѣздъ замыкался пѣхотнымъ аріергардомъ и, наконецъ, нѣсколькими козаками для прикрытія тыла.

Въ то время строго наблюдали, чтобы подводы не растягивались, и ежели когда случалось, что въ какой либо телѣгѣ что-нибудь повредится, то по сигналу начальника оказіи мгновенно все останавливалось, и всѣ, стоя на мѣстѣ, ожидали, чтобы все было исправлено, и тогда снова по сигналу отправлялись въ дальнѣйшій путь. Въ особенности соблюдалось, чтобы не было отсталыхъ людей, и подобное отступленіе отъ установленныхъ правилъ рѣдко проходило благополучно: бывали частые примѣры, что какой-нибудь неосторожный отойдетъ въ сторону или отстанетъ отъ оказіи шаговъ на 150, и тотчасъ-же поразить его предательская пуля невидимаго врага, скрытаго за кустомъ.

Бывали и явныя нападенія на цѣлыя оказіи, и тогда дѣло принимало видъ совершенно правильнаго боя: подводы сгонялись въ каре и по прикрытіи отстрѣливались за онымъ до прибытія подмоги изъ ближайшей крѣпости или станицы. Впрочемъ таковыя нападенія случались весьма рѣдко; одиночныя же случаи зачастую повторялись, и смѣлчачи, слишкомъ понадѣявшіеся не «авось, съ рукъ сойдетъ», платились за то жизнью, ранами, увѣчьемъ, а что всего хуже,—иногда и плѣномъ у горцевъ.

Наша оказія безъ всякихъ приключеній благополучно достигла *Самашекъ*. Я остановился у одного юнкера, моего товарища, съ которымъ познакомился еще въ полковомъ штабѣ, и теперь узналъ отъ него, что онъ и я, оба вмѣстѣ, назначены въ 3-ю гренадерскую роту.

Немного отдохнувъ съ дороги, я одѣлся по формѣ и тотчасъ пошелъ къ батальонному командиру. Въ этотъ разъ Баженовъ принялъ меня еще ласковѣе, чѣмъ въ первый; въ немногихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ въ чемъ будетъ состоять моя служебная обязанность и оставилъ у себя обѣдать.

Квартиру батальоннаго командира составляла козачья хата, какъ почти у всѣхъ офицеровъ, и нельзя даже сказать, чтобы она была одна изъ лучшихъ: у многихъ бывали несравненно удобнѣе. Но въ хатѣ Баженова были особенная чистота и удивительный порядокъ, рѣдко встрѣчаемый на военной, временной квартирѣ. Все было просто, уютно, хорошо. На простомъ деревянномъ столѣ, замѣнявшемъ письменный, всѣ мелочи и письменныя принадлежности были размѣщены съ удивительною симметричностью, и два простыхъ мѣдныхъ подсвѣчника, тщательно вычищенные, такъ и сіяли, точно золотые. Скромный и незатѣйливый обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдовъ, щей съ пирожками и битковъ съ макаронами; и то и другое было приготовлено, какъ будто самымъ искуснымъ поваромъ. На столѣ красовалось туземное красное и бѣлое Кахетинское вино, въ то время отмѣнно дешевое: ведро лучшаго вина стоило тогда не болѣе 3-хъ рублей. Самъ Баженовъ никогда не употреблялъ водки; но ее подавали передъ обѣдомъ, и когда деньщикъ Лапьянскій всѣхъ обнесетъ, и всѣ выпьютъ по рюмкѣ, хозяинъ спроситъ своихъ гостей: «Ну что, господа, всѣ пили *сивуху*?» И деньщикъ уноситъ водку обратно, къ крайнему прискорбію многихъ, можетъ быть предпочитающихъ сей Русскій хлѣбный напитокъ наилучшимъ винограднымъ иноземнымъ; но больше не проси: не подадутъ. Виноградное Кахетинское вино хозяинъ пилъ съ удовольствіемъ, хотя очень умѣренно; но поподчивать гостя онъ очень любилъ.

Послѣ обѣда намъ подали чаю, мы поболтали еще съ полчаса и разошлись. Баженовъ обѣдалъ обыкновенно въ половинѣ 2-го и послѣ

обѣда ложился отдыхать или лежа читалъ какой-нибудь журналъ. Небольшое его хозяйство и вся обстановка имѣли видъ довольства и порядка. Походный конь его, гнѣдой иноходецъ, по прозванію *Кабардинчекъ* (потому что былъ Кабардинской породы), живой и рѣзвый, до того былъ откормленъ и такой кругленькій, что скорѣе походилъ на Русскихъ нашихъ битюговъ, чѣмъ на своихъ Кавказскихъ собратій. Комнатныя животныя, собака *Чупчикъ* и котъ *Васька*, сытые и веселые, не смотря на врожденную будто бы вражду между ихъ племенами, проникнутые духомъ миролюбія своего хозяина, не только не питали другъ къ другу непріязни, но даже до того ладили между собою, что вмѣстѣ и спали и ѣли, и въ часы веселаго расположенія духа производили разныя эволюціи, послѣ чего опять мирно укладывались и отдыхали отъ своей гимнастики. Имена *Чупчика* и *Васьки* были наслѣдственными въ семействѣ собакъ и кошекъ у Александра Алексѣевича, и 27 лѣтъ послѣ его пребыванія на Кавказѣ, когда, отчислившись въ запасныя войска, онъ доживалъ послѣдніе годы въ Москвѣ, у него опять появились собака и кошка, преемственно имѣвпія названія Чупчика и Васьки, и точно также связанные узами нѣжнѣйшей дружбы.

Образъ жизни моего командира былъ весьма правиленъ и однообразенъ. Онъ вставалъ въ 6-мъ часу и тотчасъ отправлялся на прогулку по всей станицѣ, въ которой состоялъ воинскимъ начальникомъ; наблюдалъ за хозяйственными распоряженіями баталіоновъ, дѣлалъ какія нужно замѣчанія и, возвратившись домой, пилъ чай въ 8 часовъ. Послѣ того онъ занимался служебною и частною перепиской; въ это время къ нему приходили съ докладами и рапортами ротные командиры, артиллерійскіе и козачьи офицеры, и въ этихъ занятіяхъ проходило все утро до самаго обѣда. Къ обѣду обыкновенно собиралось по нѣсколько человѣкъ офицеровъ и юнкеровъ; послѣ кратковременнаго отдыха нашъ командиръ отправлялся совершать свою вечернюю прогулку вокругъ вала и бастіоновъ и обыкновенно заходилъ невзначай къ кому-нибудь изъ насъ.

Вечеромъ все наше станичное общество собиралось къ Баженову: у него легко дышалось, безъ всякой натяжки, и потому рѣдко бывало чтобы ктонибудь не пришелъ. Въ карты Баженовъ у себя играть не позволялъ и, давъ себѣ зарокъ никогда не играть послѣ того случая, о которомъ говорено выше, онъ вообще не одобрялъ этой страсти и въ другихъ, и не хотѣлъ ей потворствовать; но въ замѣну собравшемуся обществу для препровожденія времени предлагалась игра въ лото по маленькой. Въ 10-мъ часу подавался ужинъ, одно какое-нибудь сытное и вкусное блюдо, которое запивали Кахетинскимъ, и въ 11 часовъ всѣ расходились по своимъ квартирамъ.

Отъ этого разъ установленнаго порядка жизни Александръ Алексѣевичъ никогда ни отступалъ, исключая военнаго времени и походовъ, когда живетъ не какъ хочется, а какъ придется, и знавшіе его въ 1850-хъ годахъ на Кавказѣ, посѣщая его въ 1870-хъ гг. въ Москвѣ, находили его вѣрнымъ своимъ прежнимъ привычкамъ: даже *карточное лото*, давно вышедшее изъ употребленія и замѣненное другимъ, продолжало у него господствовать по праву давности, и по субботамъ, когда короткіе знакомые и друзья собирались къ нему провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ, всегда игравали въ это лото, по старой памяти.

Баженовъ былъ глубоко проникнутъ истинами вѣры и, чуждый всякаго фарисейства и лицемерія, не ограничивался однимъ внѣшнимъ проявленіемъ богопочитанія, но шелъ дальше, вѣровалъ глубже и, любя Бога, доказывалъ любовь къ нему искренностію своей любви къ ближнему. Честный и благородный душою, онъ гнушался суемудрыхъ теорій филантропистовъ и гуманныхъ деспотовъ-либераловъ (волковъ въ овечьей шкурѣ); онъ не кричалъ на сборищахъ «уважаю личность, люблю ближняго, цѣню свободу совѣсти» и т. п. Онъ это доказывалъ на дѣлѣ, не выражая по пустому въ словахъ. И дѣйствительно, безъ всякой особой утонченности въ обхожденіи, безъ гуманнаго фарисейства и смѣшнаго панибратства со всякимъ, онъ уважалъ личность каждаго, въ каждомъ ближнемъ видѣлъ своего собрата, никогда никаго не укорялъ ѣдкимъ словомъ, никого умышленно не обидѣлъ, и не только ни про кого не говорилъ худо, но съ истиннымъ христіанскимъ братолюбіемъ и другимъ всегда мѣшалъ говорить про кого-нибудь дурно. Онъ никогда не упускалъ случая похвалить кого-нибудь заочно, и ежели онъ молчалъ про человѣка, котораго зналъ, это молчаніе равносильно было порицанію или осужденію въ устахъ другаго.

Несравненно болѣе придавая значенія внутреннему богопочитанію, чѣмъ внѣшнему, онъ однако посѣщалъ храмъ Божій и въ особенности изо всѣхъ церковныхъ богослуженій любилъ *всенощную*. Это я замѣтилъ еще въ Самашкахъ, на первыхъ порахъ моего поступленія на службу: весьма часто наканунѣ какого нибудь праздника, или воскреснаго дня, онъ отправится, бывало, обходить офицерскія квартиры и, напоминая, что сегодня всенощная, или завтра обѣдня, совѣтуетъ всѣмъ идти въ мѣстную церковь, и для того чтобы сказанное имъ не имѣло вида начальническаго приказанія, онъ иногда прибавитъ полу-шутя, полу-серьёзно: «Нѣтъ, право, господа, нечего лѣниться; идите-ка въ церковь молиться; намъ балбесамъ не грѣшно когда и лобъ перекрестить».

Въ особенности же онъ понукалъ въ церковь ходить насъ мальчишекъ-юнкеровъ; иногда, бывало, смерть, какъ не хочется идти, и такая нападетъ лѣнь, и ворчишь про себя, а дѣлать нечего, идешь.

VII.

Служебныя наши обязанности въ Самашенской станицѣ были слѣдующія: ротный командиръ и прочіе начальники отдѣльных частей были преимущественно заняты хозяйственными дѣлами, младшимъ офицерамъ давались разныя порученія въ родѣ командировокъ, производства слѣдствій и т. п.; на насъ-же юнкеровъ была исключительно возложена обязанность дежурства по баталіону и станицѣ. Баталіонныя ученія производились рѣдко. Вообще на фронтовую службу въ то время на Кавказѣ обращалось мало вниманія, и бывали часто такіе примѣры, что какой-нибудь заслуженный *шевролистъ* или Георгіевскій кавалеръ такъ былъ неискусенъ въ выдѣлкѣ ружейныхъ приемовъ, что всякаго начальника не изъ Кавказцевъ могъ бы привести въ совершенное отчаяніе. Фронтное ровненіе тоже не такъ строго соблюдалось, какъ это принято въ Россійскихъ войскахъ, и иной не-Кавказскій инспекторъ пришелъ бы просто въ ужасъ при видѣ нѣкоторыхъ построеній и ломки фронта; но знающій хорошо составъ войскъ понималъ бы, что трудно было бы ожидать строгаго ровненія отъ фронта, состоящаго на половину изъ раненыхъ ветерановъ. — Дежурства по баталіону возлагали строгую отвѣтственность на дежурнаго, ибо рѣдкая ночь проходила безъ тревоги. Очень часто мелкія непріятельскія шайки, пользуясь благоприятствующею темнотою ночи, перелѣзали гдѣ-нибудь черезъ станичный валъ, проникали въ станицу и производили различныя безчинства. Въ подобныхъ случаяхъ дежурному вмѣнялось въ непременную обязанность, давъ предварительно знать въ дежурную казарму, немедленно явиться съ донесеніемъ къ воинскому начальнику. Строго говоря, требовалось каждую ночь по крайней мѣрѣ два обойти патрулемъ всѣ посты и секреты; но по совѣсти нельзя не признаться, что это все далеко не всегда въ точности исполнялось. Дежурные юнкера, по большей части, обойдя нѣсколько постовъ и довольствуясь донесеніями патрульных унтеръ-офицеровъ, что *«все обстоитъ благополучно»* обыкновенно шли къ какому-нибудь товарищу-юнкеру, знакомому козаку на вечеринку и тамъ проводили остатокъ ночи.

Чтобы незнающимъ дать надлежащее понятіе, до какой степени въ то время ночью не только на линіи, но даже и въ самомъ Владикавказѣ было опасно, расскажу нѣсколько случаевъ.

Одинъ молодой офицеръ Тенгинскаго полка, отправляясь однажды въ темную осеннюю ночь къ товарищу на семейный вечеръ, велѣлъ своему деньщику проводить себя съ фонаремъ. Это было во Владикавказѣ; не успѣли они выдти на улицу, какъ послышался въ темнотѣ какой-то невнятный шорохъ. Офицеръ окликнулъ; въ это время недодливыиъ деньщикъ случайно обернулся и навелъ свѣтъ прямо на сво-

его господина, и въ тоже мгновеніе въ нѣсколькихъ шагахъ раздался выстрѣлъ, и офицеръ повалился съ прострѣленною грудью.

Въ другой разъ нѣсколько офицеровъ, собравшись вмѣстѣ у товарища на квартирѣ, играли въ карты; послышался стукъ въ окно; одинъ изъ игравшихъ всталъ, подошелъ къ окну и открылъ внутреннюю ставню (какими въ то время обыкновенно были снабжены окна Кавказскихъ квартиръ); раздался выстрѣлъ, и отворявшему окну прострѣлило руку.

Всѣ подобныя удалства и шалости производила шайка отчаянныхъ Абрековъ, которые по ночамъ переправлялись иногда черезъ Терекъ, входили въ городъ и производили тамъ свои проказы. Это было въ то время вещь весьма обыкновенная, на которую и не обращали даже особеннаго вниманія и, по правдѣ сказать, дежурному по карауламъ приходилось метаться съ патрулемъ во всѣ стороны, то туда, то сюда, смотря по тому откуда слышался выстрѣлъ.

Тогдашнее Кавказское военное общество было чрезвычайно разнообразно: не только въ каждомъ полку, но въ каждомъ даже баталіонѣ приходилось встрѣчать людей всевозможныхъ сферъ и со всѣхъ почти концевъ нашей необъятной Россіи; но все ладило между собою и уживалось вмѣстѣ мирно. Не рѣдко приходилось видѣть, что какой-нибудь систематически-аккуратный Нѣмецъ изъ Остзейскихъ провинцій квартировалъ вмѣстѣ съ самымъ безалабернымъ рохлею-шалапаемъ; или какой-нибудь великосвѣтскій юноша съ безукоризненно-изящными манерами и совершенный джентельменъ, поручикъ, переведенный изъ гвардіи, и съ нимъ вмѣстѣ старый служака, боевой капитанъ, быть можетъ, изъ сдаточныхъ солдатъ и еле умѣвшій подписывать свое имя.

Въ одну злополучную ночь, отъ дурно сложенной и развалившейся трубы, крыша нашей хаты мгновенно вспыхнула; мы не успѣли еще порядкомъ проснуться и опомниться, какъ все зданіе было уже охвачено пламенемъ. Товарищъ мой Языковъ и я едва успѣли выскочить изъ хаты, какъ были, въ одномъ бѣльѣ, крыша уже обрушилась; спасти что-нибудь изъ нашего имущества нечего было и думать, такъ что все, что мы имѣли, сгорѣло до послѣдней нитки. Усердный нашъ гѣстовой Тарасъ Маккавеевичъ вздумалъ было спасать господское добро: бросился въ самый пылъ и тотчасъ же оттуда выскочилъ съ опаленными усами и бровями и могъ завладѣть только какою-то полубогорѣлою калошею.

Наше положеніе было весьма плачевно, потому что мы не имѣли ничего, кромѣ того бѣлья, которое едва прикрывало нашу наготу; но, благодаря доброму расположенію нашихъ товарищей, одинъ передъ другимъ на перерывъ спѣшившихъ намъ помочь кто чѣмъ могъ, кто бѣль-

емъ, кто платьемъ, мы дня черезъ два могли показаться на улицу. Пожаръ этотъ произвелъ страшный переполохъ по всей станицѣ, такъ какъ всѣ жили въ недалекомъ разстояніи одно отъ другаго, а главное опасались за пороховой погребъ. На скорую руку собрали для оцѣпленія воинскую команду, и когда на мѣсто происшествія прибылъ Баженовъ, онъ увидѣлъ меня полунагимъ, сидящимъ гдѣ-то въ углу, дрожащимъ отъ холода; тотчасъ онъ накинулъ мнѣ на плеча свою шинель и отправилъ на чью-то квартиру согрѣваться и ночевать.

Во время пожара я сильно простудился, едва только что оправившись отъ несносной Кавказской лихорадки, и мнѣ пришлось отправиться во Владикавказъ на излѣченіе.

VIII.

Мѣсяца за два до означеннаго пожара былъ еще довольно смѣшной случай, который могъ имѣть не совсѣмъ благоприятныя послѣдствія, но слава Богу кончился весьма благополучно. Баженова произвели изъ майоровъ въ подполковники. Всѣ его очень любили, радовались его производству, и конечно все станичное общество собралось къ нему въ полномъ своемъ составѣ. Много было выпито въ этотъ день Кахетинскаго и портера и когда молодежь дошла уже до возбужденнаго состоянія, то, не зная чѣмъ уже выразить свое сочувствіе новому подполковнику, придумала палить изъ всѣхъ крѣпостныхъ и полевыхъ орудій, находившихся въ станицѣ. Можно себѣ представить, что это была за пальба! И это было въ то тревожное и опасное время, когда каждый пушечный выстрѣлъ изъ станицы производилъ по всей линіи переполохъ. Обыкновенно по третьему выстрѣлу тревога передавалась далѣе, и тогда со всѣхъ окрестныхъ станицъ и изъ всѣхъ ближайшихъ крѣпостей войска спѣшили на помощь къ угрожаемому пункту. Весьма естественно, что въ этотъ день, слыша не одинъ выстрѣлъ и не два, не три, а учащенную, непрерывную пальбу, войска двинулись отовсюду, и прибыли не только изъ ближайшихъ мѣстностей, но и изъ весьма отдаленныхъ.

Нашъ баталіонный докторъ И. Т. Т. и я, оба уже весьма шаткіе на ногахъ, преусердно занимались заряживаніемъ одного полевого орудія (при выстрѣлѣ изъ котораго, скажу мимоходомъ, оглушили пыжомъ перебѣгавшаго черезъ улицу ротнаго козла), и въ это время въ ворота станицы со всѣхъ сторонъ спѣшили войска всѣхъ родовъ оружія.

Начальники частей и офицеры были сначала весьма недовольны, что ихъ потревожили по пустому и заставили спѣшить на помощь, когда не было надобности; но потомъ все дѣло обошлось какъ нельзя

лучше: ново-прибывшіе пристали къ намъ, и пиръ пошелъ еще веселѣе и живѣе.

Конечно, подобное происшествіе другому бы не сошло съ рукъ такъ легко, какъ Баженову; но его любили и уважали, и потому, хотя высшее начальство и знало подробно о случившемся обстоятельстве, но дѣлало видъ, что ничего не знаетъ, и онъ не получилъ ни малѣйшаго замѣчанія. Только мы на другой день заплатились своими карманами, и всѣмъ намъ пришлось сдѣлать весьма чувствительную для насъ подписку, чтобы пополнить убыль казеннаго пороха, столь весело пущеннаго на воздухъ безъ всякой надобности.

IX.

Въ ночь на 8-е Декабря 1853 года, я былъ внезапно потребованъ къ полковому адъютанту, который мнѣ передалъ совершенно неожиданное приказаніе, вслѣдствіе желанія полковаго командира, выступить на другое утро въ походъ, въ набѣгъ съ 4-й гренадерской ротой нашего полка, къ которой я былъ временно прикомандированъ. Къ походу я совершенно не былъ приготовленъ. У меня даже не было въ то время необходимаго дубленнаго полушубка. Всю ночь я провелъ въ неимоверныхъ хлопотахъ: долженъ былъ обѣгать квартиры всѣхъ товарищей, которые меня снабдили кто чѣмъ могъ, забѣжалъ на другой конецъ крѣпости въ полковой цейхаузъ для снабженія себя казеннымъ ружьемъ и боевымъ патронташемъ и только къ разсвѣту, въ какой-то фантастической экипировкѣ, состоявшей изъ статскаго покроя синяго осенняго пальто, опойковыхъ полусапожекъ, вмѣсто большихъ походныхъ сапоговъ, но при исправномъ боевомъ вооруженіи, явился къ командиру 4-й гренадерской роты, которая выстраивалась за воротами въ боевомъ походномъ порядкѣ къ выступленію. Признаюсь, все такъ быстро совершилось, что я никакъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета своего положенія. Не спавъ всю ночь, еще слабый отъ недавней лихорадки, я находился въ какомъ-то забытій и опомнился лишь тогда, какъ услышалъ команду: «рота направо! ружья вольно! скорымъ шагомъ маршъ!!» Я машинально послѣдовалъ за другими, какъ за увлекающей морской волной.

Первое мое знакомство съ Кавказскими того времени переходами было мнѣ не только не по вкусу, но даже не подъ силу. Мнѣ пришлось быть на ногахъ непрерывно весь день и всю ночь, и только на завтра около полдня, послѣ 65-верстнаго перехода, намъ данъ былъ первый продолжительный привалъ. Отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ сотенъ козаковъ и нѣсколькихъ полевыхъ и горныхъ орудій, шелъ подъ начальствомъ покойнаго генераль-

майора барона И. Н. Вревскаго, который хорошо былъ извѣстенъ по всему Кавказу, какъ своими боевыми свойствами, такъ равно и немилосердными переходами. Понятно, что мнѣ, слабосильному и еще не сложившемуся, да притомъ еще больному 17-ти лѣтнему юношѣ подобный переходъ показался просто пыткой.

На первомъ же привалѣ мои непрочные сапоги оказались окончательно стоптанными и размокшими, такъ какъ намъ все время приходилось двигаться по какой-то снѣжной слякоти; ноги мои оказались распухшими и всѣ въ волдыряхъ, и я просто не могъ представить себѣ, какъ я пойду и чуть было не впалъ въ полное отчаяніе.

Но тутъ пришелъ мнѣ на помощь одинъ добрый юнкеръ-товарищъ, уже опытный въ походахъ. Онъ первымъ дѣломъ посовѣтовалъ мнѣ бросить опойковые полусапожки, схлопоталъ мнѣ за 2 р. у какого-то солдата купить его запасные сапоги, посмѣялся въ волю надъ моими промокшими носочками и тутъ же показалъ, какимъ образомъ нужно окутывать по походному въ онучи ноги, предварительно смазавъ больныя мѣста саломъ.

Походъ, въ которомъ я тогда участвовалъ, имѣлъ цѣлью истребленіе нѣсколькихъ непріятельскихъ ауловъ Малой Чечни и остался въ воспоминаніи участвующихъ подъ названіемъ Адзерзинскаго набѣга. Рота, къ которой я былъ прикомандированъ, получила самое опасное по тогдашней войнѣ назначеніе, т. е. при отступленіи находилась въ арьергардѣ, причемъ потеряла до 30 человѣкъ выбывшихъ изъ строя, такъ что мнѣ на первыхъ же порахъ пришлось участвовать въ довольно жаркихъ перестрѣлкахъ.

По окончаніи набѣга и по возвращеніи отряда во Владикавказъ, я отправился изъ штаба полка снова въ свой 3-й баталіонъ, въ которомъ удостоился сочувственной встрѣчи какъ со стороны Баженова, такъ и товарищей-сослуживцевъ.

Лихорадка моя, послѣ испытанныхъ походныхъ трудовъ, до того усилилась, что я снова долженъ былъ возвратиться во Владикавказъ, такъ какъ оставаться мнѣ на Сунджинской линіи (въ этомъ разсадникѣ лихорадки) становилось положительно опасно. Прибывъ во Владикавказъ въ Январѣ 1854 года, я былъ свидѣтелемъ прохожденія чрезъ эту крѣпость всѣхъ нашихъ войскъ, шедшихъ изъ Россіи въ Азіатскую Турцію на подкрѣпленіе тамошней арміи. Въ этотъ годъ произошелъ на Казбекѣ необыкновенный, изъ ряду вонъ выходящій снѣговой обвалъ, который на долгое время загородилъ путь по военно-Грузинской дорогѣ, такъ что порядокъ шествія очередныхъ эшелоновъ чрезъ то совершенно перепутался, и во Владикавказѣ скопилось

столько войскъ всѣхъ родовъ оружія, что, безъ преувеличенія можно сказать, нигдѣ невозможно было найти свободнаго помѣщенія.

Только въ концѣ Апрѣля я могъ возвратиться въ баталіонъ. Въ то время онъ находился въ Большой Кабардѣ близъ аула Бата-Ка-юртъ. Въ самый разгаръ Крымской кампаніи по всему Кавказу не было покоя; хотя явнаго возмущенія не замѣчалось, но были первые признаки броженія умовъ. Почти изъ каждаго Кавказскаго полка чуть-ли не половинная часть была потребована для подкрѣпленія нашей арміи въ Азіатскую Турцію; войскамъ, остававшимся по-сю сторону горъ, пришлось конечно удвоить бдительность и осторожность. Съ ранней весны былъ сформированъ летучій отрядъ, состоявшій изъ 3-го баталіона Тенгинскаго полка, конной батареи и Донскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ подполковника Баженова, которому дано было назначеніе ежедневными переходами пересѣкать по всѣмъ направленіямъ Кабарду, чтобы постояннымъ и внезапнымъ появленіемъ держать народонаселеніе въ повиновеніи и страхѣ. Въ то время, какъ я догналъ отрядъ, онъ находился, какъ я уже выше сказалъ, близъ аула Бата-Ка-юрта, на продолжительной дневкѣ.

Дни два спустя по прибытіи моемъ въ баталіонъ, отрядъ снялся съ позиціи и, съ этого дня въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, мы безпрерывно дѣлали ежедневно 25—30 верстныя переходы, пересѣкая по всѣмъ направленіямъ Большую и Малую Кабарду.

Сначала народонаселеніе было какъ бы озадачено безпрестаннымъ появленіемъ на новыхъ пунктахъ Русскихъ войскъ; но потомъ, смекнувъ, что это все одинъ и тотъ-же маленькій отрядъ, который появлялся въ разныхъ направленіяхъ, стало къ намъ относиться довольно саркастически и прозвало нашъ отрядецъ: «салдусъ, который туды ско-гѣ пошелъ».

Опасенія высшаго начальства были на этотъ разъ впрочемъ напрасны: Кабарда и не думала бунтовать и, за исключеніемъ неизбѣжныхъ случаевъ появленія одиночныхъ Абрековъ, все остальное народонаселеніе оставалось спокойно. Въ Іюнѣ отрядъ нашъ получилъ приказаніе возвратиться на линію и, послѣ кратковременнаго отдыха, былъ двинутъ въ томъ же составѣ, перемѣнивъ только свой колесный обозъ навьючный, въ Малую Чечню.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, мы достигли Богучарскихъ выютовъ, на которыхъ нашему отряду приказано было остановиться и дождаться дальнѣйшихъ приказаній. На Богучарѣ намъ пришлось простоять слишкомъ мѣсяцъ. Несчастная эта стоянка, я полагаю, глубоко прѣзлась въ воспоминаніи всѣхъ тѣхъ, которымъ она выпала на до-

лю. Мѣстность была слѣдующаго рода: узкая, мѣстами не шире сажени, гребень крутой, высокой въ 3000 футовъ горы, источники водопоя находились у самаго подножія. Въ теченіе всей стоянки ежедневно лилъ проливной дождь. Густой облачный туманъ на нѣсколько сотъ футовъ подъ нашими ногами скрывалъ отъ нашихъ глазъ всю остальную окрестность, и самая мѣстность нашей стоянки имѣла видъ грязнаго островка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ какимъ-то грязно-молочнымъ океаномъ.

Такъ какъ при въчномъ обозѣ палатки съ собою обыкновенно не забираются, то понятно, что положеніе всѣхъ насъ было до крайности плачевное: во всемъ отрядѣ была только одна небольшая палаточка для Александра Алексѣевича; всѣ остальные помѣщались подъ открытымъ небомъ. Чтобы какъ-нибудь спастись отъ окончательнаго потопа, мы вырыли себѣ небольшія землянки, покрытыя сверху хворостомъ; онѣ наполнялись постоянно водою, которую приходилось выкачивать ведрами, и часто случалось по утрамъ просыпаться въ какой-то грязной ваннѣ. Но отрядъ нашъ нисколько не унывалъ. Кавказскаго солдата того времени рѣдко чѣмъ можно было удивить, и послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывнаго дождя, стоило только туману немного разсѣяться и проглянуть сверху какому-то подобію солнечнаго луча, смотришь: у каждой роты собрались въ кружокъ пѣсенники, въ срединѣ которыхъ ложечникъ уже выкидываетъ какія-то фантастическія антраша.

Наша офицерская и юнкерская компанія тоже нисколько не упала духомъ. Баженовъ сохранялъ тотъ же порядокъ жизни, какъ и въ Самашевской станицѣ; только утреннія его прогулки вокругъ лагеря по крутому, скользкому и грязному косогору были немного затруднительнѣе. По невозможности собираться въ его маленькой палаткѣ, компанія, по вечерамъ, по обыкновенію группировалась около нея, разсуживаясь на большихъ брускахъ, которые усердные солдаты, по собственной своей инициативѣ, за двѣ версты снизу съ неимовѣрнымъ усиленіемъ встали на верхъ горы, для вящаго удобства гг. офицерамъ. Языковъ по прежнему былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, каждый день подмѣчая что-либо смѣшное.

Въ нашей юнкерской землянкѣ шелъ все время нескончаемый преферансъ, а иногда, отъ скуки, затѣвались хоровыя пѣсни и когда ночью онѣ продолжались слишкомъ долго, тогда изъ промокшей палатки Баженова обыкновенно слышалась фраза: «Пора бы, кажется, полуночникамъ перестать горланить!»

Въ концѣ Іюля подошелъ къ нашей мѣстности довольно значительный отрядъ подъ начальствомъ бар. Вревскаго, который, присоеди-

нивѣ насѣ къ себѣ, двинулся въ Аккинское общество для наказанія нѣкоторыхъ измѣнившихъ намъ ауловъ. Аккинскій походъ былъ крайне тяжелъ и затруднителенъ; тутъ приходилось намъ испытать всевозможныя лишенія: двигались по такимъ тропинкамъ, по которымъ ходить бы только горнымъ козамъ; переходы, какъ и вообще гдѣ участвовалъ бар. Вревскій, крайне были утомительны. Помню, на одномъ изъ нихъ, я отъ изнеможенія далеко отсталъ отъ своего баталіона и только благодаря аріергарднымъ козакамъ получилъ возможность догнать отрядъ, когда онъ уже остановился для ночлега. Баженовъ, я помню, сильно беспокоился объ моемъ отсутствіи и хотя при первой встрѣчѣ началъ было меня распекать, но, видя мою крайнюю усталость, предложилъ гнѣвъ на милость и угостилъ меня чаемъ. Языковъ конечно не упустилъ изъ этого случая составить комичный разсказецъ, яко бы я легъ поперекъ горной узкой тропинки и тѣмъ задержалъ движеніе всего отряда.

6 Августа былъ штурмъ одного, сильно укрѣпленнаго аула. Баженовъ командовалъ штурмовой колонной. Языковъ находился въ числѣ охотниковъ. Аулъ конечно былъ взятъ, но потеря наша была довольно чувствительна. Баженовъ былъ контуженъ камнемъ въ плечо и въ ногу. Кромѣ того у насъ въ баталіонѣ былъ еще офицеръ, раненный пулею, нѣкто поручикъ Ш., уроженецъ Малороссіи, крайне неуклюжее, но чрезвычайно доброе и простодушное существо, опытный и боевой офицеръ. Языковъ почему-то всегда исключительно выбиралъ его для насмѣшекъ, но тотъ не обижался нисколько и самъ первый хохоталъ во всю свою широкую пасть. Кромѣ трудности переходовъ и боя, отряду нашему пришлось еще познакомиться съ новымъ горемъ: съ голодомъ.

Запасъ сухарей, розданный людямъ на руки, оказался недостаточнымъ. Подвозъ провіанта почему-то задержался, и намъ пришлось нѣсколько дней оставаться безъ всякой пищи. Люди стали отъ голоду заболѣвать и пухнуть. Если не ошибаюсь, были кажется одинъ или два смертныхъ случая. Въ составѣ нашего отряда находился одинъ резервный баталіонъ, только-что пришедшій изъ Россіи. Непривыкшіе къ Кавказскимъ походамъ люди, въ самомъ еще началѣ движенія, для облегченія ноши, разсыпали свои сухари, которые, понятно, наши опытные Кавказцы спѣшили подбирать. Вотъ этому-то баталіону въ особенности пришлось подъ конецъ плохо. Хотя Языковъ и старался смѣшить почтеннѣйшую публику разсказами, въ родѣ того, что нѣкій нашъ юнкеръ Р. (отличавшійся особеннымъ аппетитомъ) гдѣ-то поймалъ пѣтуха и съѣлъ его живаго съ перьями, но разсказъ его не производилъ эффекта. Одинъ только Баженовъ какъ и всегда глядѣлъ молодцомъ и,

добродушно подтрунивая надъ унывшими, старался поддержать въ нихъ бодрость.

Какъ только мы стали спускаться съ горъ въ Тарскую долину, тутъ же встрѣтились мы съ колонной, которая везла намъ провіантъ. Нѣсколько дней спустя, состоялся роспускъ отряду, и нашъ 3-й баталіонъ, въ самомъ отчаянномъ видѣ, усталый, загорѣлый, въ отрепьяхъ, съ разорванною обувью, былъ направленъ во Владикавказъ.

Х.

Во Владикавказѣ я получилъ письмо отъ брата своего изъ Пятигорска, въ которомъ онъ извѣщалъ, что пріѣхалъ изъ Москвы и очень желаетъ меня видѣть. Взявъ у Баженова отпускъ, я отправился въ Пятигорскъ, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ съ братомъ. Возвратившись изъ отпуска, я засталъ 3-й баталіонъ въ лагерь у крѣпости Бахмутъ, гдѣ онъ былъ занятъ какими-то починками и укрѣпленіями.

Затѣмъ, нашъ баталіонъ былъ двинутъ еще куда-то, для исправленія дорогъ, попорченныхъ непріятелемъ и въ началѣ Ноября возвратился на свою прежнюю стоянку въ Самашевскую станицу. Весь Ноябрь мы мирно провели тамъ. Баталіонный адъютантъ нашъ, подпоручикъ Щ., затѣвалъ охоты на большую ногу: собиралось человекъ до полутора ста стрѣлковъ, къ нимъ присоединялись аматёры изъ гг. офицеровъ и юнкеровъ и подъ предводительствомъ Щ. отправлялись въ Чеченскіе лѣса и горы. Подобныя охоты продолжались по нѣскольку сутокъ. Обиліе красной дичи было въ то время таково, что по возвращеніи въ Самашки весь баталіонъ и чуть-ли не вся станица въ продолженіе нѣсколькихъ дней питались нашею добычею. При подобныхъ охотахъ командамъ неоднократно приходилось сталкиваться съ непріятельскими шайками; но дѣло рѣдко доходило до перестрѣлки: каждая сторона, чувствуя силу другой, во избѣжаніе лишней потери, обыкновенно молча расходилась, обмѣниваясь косыми взглядами.

Кромѣ охоты, въ осеннее время немалымъ развлеченіемъ служили казачьи вечеринки; почетные представители казачества, наши офицеры и юнкера собирались у кого-нибудь на квартирѣ, куда обыкновенно и приглашался самый цвѣтъ Самашкинскихъ красавицъ. Въ подобныхъ случаяхъ угощеніе было не очень затѣйливо и разорительно. Дамы угощались орѣхами, изюмомъ и развѣ изрѣдка Вяземскими пряниками. Для мужчинъ же, кромѣ неизбѣжной водки и закуски, обыкновенно ставилось на полъ нѣсколько ведеръ Кизлярскаго вина, изъ которыхъ мы прямо черпали ковшами. Тогдашнее Кизлярское вино, извѣстное всѣмъ старымъ Кавказцамъ подъ общимъ названіемъ *чихирия*, продавалось по 40 копѣекъ ведро, и рѣдко кто изъ казаковъ не держалъ въ своемъ хозяйствѣ большаго запаса этого вина.

На вечеринкахъ пѣлись хоровыя пѣсни, плясалась лезгинка подъ звуки скрипки какого нибудь ротнаго скрипача и казачьей гармоникки. а главное истреблялось такое количество *чихиры*, что просто уму непостижимо. Баженовъ любилъ посѣщать эти вечеринки и обыкновенно оставался на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не начинали быть черезъ чуръ шумны.

XI.

Въ началѣ Декабря намъ былъ объявленъ зимній походъ въ Большую Чечню, и велѣно спѣшно собираться.

Путь нашему баталіону лежалъ на крѣпость Грозную, отстоящую въ трехъ переходахъ отъ Самашкинской станицы. Тамъ былъ назначенъ сборный пунктъ всего отряда, который, подъ общимъ начальствомъ барона Врангеля, долженъ былъ двинуться въ Большую Чечню.

Подъ Грозной намъ пришлось стоять лагеремъ слишкомъ недѣлю, пока съ разныхъ концовъ не собрались всѣ тѣ части войскъ, которыя были назначены въ составъ большаго Чеченскаго отряда и пока не окончились на самую скорую руку походныя приготовленія.

Подробный составъ тогдашняго отряда я припомнить не въ состояніи; знаю только, что онъ былъ весьма значителенъ; всѣхъ войскъ было примѣрно до 10.000 человекъ. Экспедиція предполагалась серьезная, и потому приняты были всѣ необходимыя предосторожности, чтобы обезпечить ея счастливый исходъ.

4-го Декабря, рано утромъ, въ войскахъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ; спустя 2 часа, отрядъ длинной вереницей потянулся по направленію Аргуна. На сколько переходы бар. Вревскаго были изнурительны, на столько они были легки, когда водилъ отрядъ баронъ Врангель. Заслуженный боевой генералъ имѣлъ похвальную привычку большую часть перехода самъ шествовать пѣшкомъ во главѣ авангарда и только въ крайнихъ случаяхъ позволялъ себѣ садиться верхомъ. Нечего и говорить, какое благотворное дѣйствіе производилъ этотъ достойный примѣръ маститаго старца. Собственно говоря, походъ этотъ былъ до крайности веселый и легкій.

Такъ какъ Большая Чечня изображаетъ собою ровную плоскость, то войска могли пользоваться всѣми удобствами, которыя обыкновенно доставляетъ колесный обозъ. Переходы рѣдко бывали болѣе 20 верстъ. Для Кавказскаго солдата того времени это составляло просто передобъденную прогулку; усталыхъ и отсталыхъ, понятно, нигдѣ и быть не могло; войска шли весело, все время съ пѣснями, и часто можно было видѣть, какъ какой нибудь удалой ложечникъ въ теченіе всего перехода выплясывалъ передъ ротой тренака. Но если переходы были легки, то дѣла съ непріателемъ были серьезнѣе, чѣмъ въ Малой Чечнѣ, и поте-

ри наши бывали весьма значительны. На этотъ разъ намъ приходилось имѣть дѣло съ большимъ скопищемъ непріятеля, подъ личнымъ предводительствомъ самого Шамиля, который, кромѣ значительныхъ силъ изъ пѣхоты и кавалеріи, имѣлъ съ собою 6 орудій. На второмъ или на третьемъ переходѣ раздался первый выстрѣлъ начинающейся перестрѣлки, и затѣмъ все наше дальнѣйшее шествіе было сопровождаемо пальбою.

Цѣль экспедиціи была раззореніе нѣсколькихъ весьма сильныхъ непріятельскихъ ауловъ, расположенныхъ вдоль по теченію р. Джалки. Баронъ Врангель, случайно или нарочно, чтобы дать каждой части возможность отдѣльно отличиться, обыкновенно распоряжался такъ, что каждый отдѣльный аулъ приходилось по очереди брать отдѣльному баталіону. Мы скоро всё смекнули этотъ порядокъ боя и прозвали эти штурмы *бенефисами*.

Наступилъ день бенефиса и для нашего 3-го баталіона. Приходилось брать одинъ изъ самыхъ сильныхъ и укрѣпленныхъ ауловъ. Мѣстность была такого рода. Баталіонъ нашъ и часть артиллеріи занимали опушку лѣса; передъ нами, на разстояніи 500 шаговъ, разстилалась поляна. затѣмъ большой непріятельскій аулъ, столь сильно укрѣпленный, что крыши его сакель отсвѣчивались на солнцѣ металлическимъ блескомъ отъ ружейныхъ стволовъ его защитниковъ, готовившихъ намъ на встрѣчу страшный залпъ. За ауломъ виднѣлся небольшой лѣсистый бугоръ, на которомъ показывался значекъ самаго Шамиля; онъ находился тамъ со всею своею артиллеріею и резервами. Стоя часа два у опушки лѣса, мы поддерживали съ непріателемъ тихую оружейную перестрѣлку, пока наша артиллерія обмѣнивалась канонадою. Гулъ непріятельскихъ ядеръ, отшибавшихъ у насъ въ лѣсу верхушки деревьевъ, былъ особенно эффектенъ. 3-й баталіонъ нашъ цѣликомъ находился въ цѣпи. Удалой нашъ баталіонный адъютантъ подпоручикъ Щ. просто выкидывалъ чудеса изъ своей двустволки. Стоило только какой-нибудь папахъ поднять голову надъ крышею сакли и какому-нибудь конному непріятельскому удалцу близко подъѣхать къ нашей цѣпи, какъ мѣткая пуля Щ. достигала своего назначенія. Такъ какъ онъ въ то время завѣдывалъ штуцерною командою, которая расположилась цѣпрю за невысокимъ плетнемъ на правомъ флангѣ нашей 3-ей гренадерской роты, то нѣсколько человекъ нашихъ юнкеровъ, въ томъ числѣ и я, подошли къ нему поближе, подстрекаемые любопытствомъ видѣть результаты замѣчательной его стрѣльбы, и мы могли во очію убѣдиться, до какой степени его двухстволка обратила на себя специальное вниманіе непріятеля. Кромѣ обыкновенныхъ крикливыхъ возгласовъ: «галеръ шайтанъ», и т. п., которые изъ аула послѣ каж-

даго его выстрѣла долетали до нашего слуха, весь непріятельскій огонь былъ сосредоточенъ на томъ пунктѣ, гдѣ находился Щ. ¹⁾

Баженовъ время отъ времени обходилъ всю цѣпь и съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ лица, съ какимъ обыкновенно въ Самашкахъ игралъ въ лото, покручивая папирсы и указывая ротнымъ командирамъ, кому какого держаться направленія, когда броситься на ура.

«Ура» вообще Баженовъ не любилъ по свойству своего сдержаннаго и хладнокровнаго характера: онъ находилъ, что Русское «ура» — уже слишкомъ много чести для подобнаго непріятели. Онъ обыкновенно поговаривалъ, что кричать «ура» слѣдуетъ въ самую крайнюю, критическую минуту, когда напр. въ регулярномъ бою строй встрѣчается съ строемъ на штыкахъ, и грудь съ грудью, а что для этихъ оборванцевъ не стоитъ его и тратить. Но какъ бы то ни было, въ виду общепринятаго обычая, онъ официально не запрещалъ солдатамъ кричать «ура», но только обыкновенно просилъ ротныхъ командировъ, чтобы въ моментъ самаго разгара боя, во избѣжаніе безпорядка, люди по возможности бы меньше *орали* (какъ онъ выражался).

Канонада и перестрѣлка продолжались, и въ ожиданіи рѣшительной минуты мы поглядывали на грозную поляну, по которой намъ предстояло пробѣжать столь значительное разстояніе, въ полголоса передавая другъ другу разныя замѣчанія, которыя всѣ клонились къ тому общему выводу, что намъ дѣло обойдется не дешево. Въ эту минуту прискакалъ къ Баженову адъютантъ барона Врангеля и, передавъ ему нѣсколько словъ, удалился. Александръ Алексѣевичъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ ротныхъ командировъ и что-то долго говорилъ съ ними и объяснялъ. Когда тѣ возвратились къ своимъ мѣстамъ, мы узнали, въ чемъ дѣло: бар. Врангель, между прочими достохвальными качествами, имѣлъ неоцѣнимое свойство, присущее каждому, дѣйствительно храброму и честному начальнику, беречь своихъ солдатъ и, безъ крайней необходимости, не рисковать ихъ жизнью. Убѣдившись лично, какой бы значительной потери подвергся нашъ 3-й баталіонъ, если бы одинъ прямо съ фронта атаковалъ по открытой мѣстности такую грозную позицію и желая облегчить повозможности нашу задачу, онъ приказалъ намъ на время пріостановить наступленіе и послалъ разными скрытыми балками въ обходъ одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка для совмѣстнаго съ нами дѣйствія. Задача этого баталіона была такова: достигнувъ, съ помощью проводника, напередъ

¹⁾ Щепанскій. Онъ убитъ на повалѣ въ дѣлѣ 23 Ноября 1877 года подъ Еленой, будучи капитаномъ знаменитаго Орловскаго полка.

назначеннаго ему пункта, онъ долженъ былъ пріостановиться, собраться въ боевой порядокъ и изъ забраннаго съ собою ракетнаго станка пустить сигнальную ракету. Тогда они и мы должны были броситься одновременно съ двухъ сторонъ: мы съ фронта, а они съ боку и немного съ тыла.

Кабардинцамъ пришлось довольно долго совершить свой маневръ; кромѣ того что имъ надо было пройти довольно значительное разстояніе, они должны были соблюсти всевозможную осмотрительность и осторожность, чтобъ не быть до поры до времени открытыми непріятелемъ.

Мы между тѣмъ продолжали занимать опушку лѣса и время отъ времени поддерживали съ непріателемъ тихую перестрѣлку. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса стояла полуразрушенная сакля, на плоской крышѣ которой лежала преогромнѣйшая тыква. Баженовъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ стояли около этой сакли и покуривали папиросы. Вдругъ (какъ теперь помню), непріятельское ядро, пролетѣвъ надъ нашими головами, съ размаху ударило въ тыкву, разнесло её конечно въ пухъ и въ дребезги и брызгами ея обдало все наше батальонное начальство. Языковъ конечно для подобнаго торжественнаго случая тутъ какъ изъ земли выросъ, и тотчасъ же состряпанный имъ наскоро смѣшной анекдотецъ пролетѣлъ по рядамъ, возбуждая общій хохотъ.

Время шло, а сигнала не было еще замѣтно. Офицеры всѣ уже были на своихъ мѣстахъ и сосредоточенно глядѣли впередъ. Баженовъ тихими шагами приблизился къ правому флангу нашей 3-ей гренадерской роты.

Въ эту самую минуту, съ правой стороны аула и немного позади его взвилась ракета. Баженовъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ баталіона, обернувшись къ нему лицомъ, проговорилъ: «съ Богомъ, братцы!» и снова обернувшись къ аулу, бѣгомъ, безъ оглядки пустился впередъ, зная, что отъ него не отстанутъ. Раздалось громовое ура, и баталіонъ ринулся на поляну. Взявъ ружье на перевѣсъ, я усиленно спѣшилъ скачками догонять Баженова, который бѣжалъ впереди всѣхъ; но совершенно догнать его мнѣ не удалось, такъ какъ одинъ солдатъ нашей роты (съ тремя нашивками, Георгіевской кавалеръ, старикъ Рябовъ), бѣжавшій впереди меня, былъ напоевалъ убить пулею въ голову и, падая, подкатился мнѣ подъ ноги, чѣмъ заставилъ меня съ разбѣга черезъ него перекувырнуться.

Когда мы стали совершенно подвигаться къ аулу, сзади его раздалось веселое «ура» Кабардинцевъ, и растерявшемуся отъ этого двухсторонняго нападенія непріятелю оставалось только искать себѣ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Всѣ тѣ изъ горцевъ, которые были захвачены въ аулѣ, немедленно были уничтожены штыками. Приказавъ подоспѣвшей дивизионной артиллеріи дать по бѣгущему непріятелю нѣсколько напутственныхъ картечныхъ выстрѣловъ, Баженовъ, какъ старшій въ чинѣ, принять временное начальство и надъ Кабардинскимъ батальономъ, и тотчасъ же распорядился о немедленномъ занятіи въ аулѣ прочныхъ пунктовъ.

Кавалерія наша, откуда-то сбоку появившаяся къ тому времени, преслѣдовала непріятельскіе резервы.

Дѣло было окончено. Потери наша сравнительно была невелика: изъ офицеровъ нашего батальона никого не убито и не ранено. Одинъ только поручикъ М. былъ контуженъ мертвою пулею въ лобъ, отчего у него вскочила преогромная шишка. Неумолимый Языковъ, повято, не упустилъ случая избрать его предметомъ своихъ остротъ; отъ его насмѣшливаго взгляда не укрылся также одинъ солдатъ нашей роты, который, шаря гдѣ-то по саклямъ, нашелъ медовые соты, которые, по жадности, тутъ же началъ истреблять. Но прилипшая къ меду пчела жестоко отомстила ему за похищеніе своего имущества: она такъ сильно ужалила его въ губу, что все его лицо мгновенно раздулось и приняло самый комичный видъ. Языковъ отъ этого солдата больше не отставалъ и водилъ его за руку показывать вѣтамъ и всюду, и такъ поднималъ бѣдняка на смѣхъ, что конечно онъ на долгое время закалялся даже и смотрѣть на медъ.

Вскорѣ вѣхалъ въ аулъ, сопровождаемый свитою, самъ начальникъ отряда и, объѣзжая ряды нашего и Кабардинскаго батальоновъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарить насъ за молодецкое дѣло.

Всѣ были необыкновенно оживлены. Особенныхъ потерь оплакивать не приходилось, такъ что ничто не отравляло въ эту минуту наше веселое расположеніе. Сама природа, какъ бы дѣйствуя съ нами заодно, приняла участіе въ общемъ весельи: пороховой дымъ разсѣялся, изъ-за перламутровыхъ тучекъ выглянуло солнышко и косыми золотистыми лучами освѣтило наши отдыхающія кучки.

Послѣ кратковременнаго отдыха, обоимъ нашимъ батальонамъ отдано приказаніе поджечь аулъ со всѣхъ концовъ, для чего, по принятому обычаю, розданы были людямъ на руки палительныя сѣбчи. Окончивъ истребленіе аула, батальоны наши возвратились къ главному отряду и весело расположились на ночлегъ.

Мы были героями дня. Дѣло вышло дѣйствительно молодецкое; словомъ: бенефисъ удался вполнѣ.

Въ этомъ же родѣ дѣла, чередуясь, продолжались въ теченіи всей экспедиціи.

XII.

По окончаніи военныхъ дѣйствій на Джалкѣ, отрядъ занялся въ другихъ мѣстностяхъ рубкою лѣса и поправленіемъ дорогъ, въ концѣ Января 1855 года снова сосредоточился у крѣпости Грозной, и вскорѣ каждая часть, входящая въ составъ онаго, получила приказаніе возвратиться во свояси. 3-й нашъ баталіонъ возвратился въ Самашкинскую станицу, населеніе которой устроило намъ самую торжественную встрѣчу, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нашимъ баталіономъ возвратилось до ста человекъ изъ ея обывателей, которые вмѣстѣ съ нами совершали экспедиціи. Первые дни, конечно, были посвящены Кахетинскому, *чи-хирю* и радостнымъ разговорамъ при встрѣчѣ съ старыми *кунаками*. Мало по малу все успокоилось, и жизнь потекла по прежнему.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля баталіонъ нашъ тронулся по направлению въ Ассинскую станицу, за 18 верстъ отъ прежняго мѣста, составляющую укрѣпленный пунктъ нашей боевой линіи. Вообще, тревоги въ то время были часты по всей Сундженской линіи: рѣдко проходила недѣля, чтобы не было два или три случая. То гдѣ нибудь вдали покажется конная партія, хищники нападутъ на проѣзжающій конвой; то, наконецъ, подъ самыми воротами станицы стараются отбить табуны и взять въ плѣнъ пастуховъ. Сигнальная оружейная пальба шла непрерывно. Если по всей мѣстности тревоги были часты, то въ Ассинской станицѣ они были чуть-ли не ежедневны. Станица отстояла отъ непріятельскихъ мѣстностей всего на какихъ-нибудь 6 или 7-ми верстъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея тянулись непроходимые лѣса, гдѣ то и дѣло шныряли небольшія непріятельскія партіи.

Простоя въ Ассинской станицѣ дня два, Баженовъ получилъ назначеніе принять командованіе надъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоящимъ изъ нашего 3-го баталіона, дивизіона артиллеріи и 200 казаковъ, выдвинуться впередъ верстъ на 12 и, хорошенько избравъ мѣстность, заложить передовой редутъ. На другой день мы двинулись и, сдѣлавъ небольшой 12 верстный переходъ, остановились на ружейный выстрѣлъ отъ опушки большаго лѣса, который на глубину 5-ти или 6-ти верстъ насъ отдѣлялъ отъ значительныхъ непріятельскихъ ауловъ. Такъ какъ мѣстность, гдѣ мы остановились лагеремъ, была довольно возвышенна, хорошо обозрѣвала окрестность, да притомъ тутъ же находился источникъ ключевой воды, то рѣшено здѣсь же заложить будущее укрѣпленіе. Неудобство близости непріятельскаго лѣса съ избыткомъ окупалось другими преимуществами мѣстности, и потому, вскорѣ по прибытіи насъ, приступлено было къ первоначальнымъ работамъ.

Работы мало по малу подвигались. Мы за это время какъ бы сжились съ новою мѣстностью, и время шло своимъ порядкомъ. По-

нятно, что столь близкое разстояніе отъ непріятеля заставляло, какъ говорится, держать ухо остро. На ночную караульную службу было обращено особенное вниманіе. Кромѣ обыкновенной ночной дѣпи, наряжались отдѣльные передовые секреты, и каждую ночь назначалась дежурная часть, люди которой спали совершенно одѣтые и вооруженные, при первомъ выстрѣлѣ вставали на ноги, и выстраивались въ боевой порядокъ. Непріятель часто пошаливалъ. Молодежь его ауловъ часто, для препровожденія времени, небольшими кучками перебиралась черезъ лѣсъ, занимала здѣсь и тамъ опушки онаго и перестрѣливалась съ нашимъ передовымъ пикетомъ. Это они обыкновенно совершали по утрамъ, въ видѣ утренней прогулки; но бывали случаи, что они возобновляли себѣ это удовольствіе и по нѣскольку разъ въ день. Когда они надѣдали, то противъ нихъ высылалась дежурная часть, и хотя бывали случаи, что они и въ лѣсу продолжали съ ней весьма оживленную перестрѣлку, но, болѣею частью, при появленіи ея, уходили по-добру и по-здорову во свояси.

Мы, юнкера 3-го баталіона, по прежнему продолжали дежурить по баталіону и лагерю; но такъ какъ насъ набралось слишкомъ много, потому что вся молодежь того времени просилась въ 3-й баталіонъ къ Баженову, то служба для насъ была весьма легка, и отъ избытка празднаго времени между нами пошли разныя проказы и шалости, на которыя насъ постоянно подбивалъ конечно Языковъ.

Баженовъ видя, что его птенцы (такъ онъ выражался) не на шутку расходились съ жиру, приказалъ намъ назначить по утрамъ въ видѣ исправленія шереножное ученіе, надзоръ за которымъ поручилъ баталіонному адъютанту.

Нѣкоторые изъ насъ сначала стали манкировать этимъ ученіемъ, думая, что это сойдеть съ рукъ, но такъ какъ виновные въ неисполненіи приказанія баталіоннаго командира очутились арестованными на трое сутокъ на передовомъ пикетѣ (что было не только что очень скучно, но даже не совсѣмъ и безопасно), то, *volens-nolens*, мы должны были покориться нашей горькой участи и нѣсколько часовъ по утрамъ проводили въ изученіи всѣхъ ружейныхъ приемовъ и маршировки.

Баженовъ для своихъ юнкеровъ былъ истинный отецъ, хотя всегда строго взыскивалъ за всякую небрежность по службѣ. Когда, бывало, кто нибудь изъ насъ къ нему является и сконфуженнымъ тономъ, переминаясь съ ноги на ногу, начинается дальній разговоръ про нужды и что не понимаетъ, какъ онъ изъ Россіи не получаетъ писемъ... то обыкновенно Баженовъ перебьетъ словами: «Безъ предисловія!... Сколько вамъ?»... и всегда выдавалъ просимыя суммы, предварительно от-

мѣтивъ въ своей записной книжкѣ обѣщанный срокъ отдачи. Когда же (что впрочемъ случалось довольно часто) ему въ обѣщанный срокъ не возвращали занятыя деньги, то онъ обыкновенно, проходя мимо подобнаго неисправнаго должника, лукаво прищуривалъ глазкомъ и закрывалъ съ его стороны лицо свое ладонью, какъ бы показывая, что ему самому за него стыдно, или проговаривалъ въ полголоса, какъ бы смотря совершенно въ противоположную сторону: стыдновато, стыдновато!....

XIII.

Въ началѣ Іюня прибылъ въ нашъ отрядъ баронъ Вревскій, приказалъ намъ сняться съ лагеря, пріостановивъ временно работы, и двинулъ насъ по направленію Валерика, гдѣ ожидалъ другой отрядъ въ большихъ силахъ и гдѣ предполагалось встрѣтиться съ большимъ непріятельскимъ скопищемъ, подъ начальствомъ Саибъ-Дулы, одного изъ любимѣйшихъ наибовъ Шамиля. Впрочемъ, ничего путнаго изъ этого движенія не вышло; натолкнулись гдѣ-то на шайку оборванцевъ, было пущено нѣсколько оружейныхъ выстрѣловъ, завязалась на полчаса небольшая перестрѣлка, и этимъ все движеніе ограничилось. Вслѣдъ за тѣмъ отрядъ нашъ снова раздвоился; нашъ баталіонъ пошелъ назадъ на прежнія работы, а остальные войска разошлись каждый во свояси.

Нѣсколько дней спустя, по возвращеніи изъ этой небольшой экспедиціи, въ лагерѣ, я помню, произошелъ слѣдующій случай. Въ одну тихую и лунную ночь пробрался къ намъ изъ сосѣдняго лѣса какимъ-то образомъ медвѣдь. Пройдя незамѣтно между звѣномъ часовыхъ, Мишенька направилъ свои стопы въ самую серединку лагеря и преспокойно улегся недалеко отъ палатки Баженова. Тутъ, по близости, расположена была обозная коновязь. Кони стали тревожно фыркать и безпокойно на мѣстѣ семенить копытами. Дежурный фурштатъ никакъ не могъ объяснить себѣ причину ихъ безпокойства и поднялъ товарищей. Людской говоръ разбудилъ цѣлую кучу собакъ, спавшихъ у фургона. Вскочивши на ноги, они почуяли краснаго звѣря и съ лаемъ бросились по его направленію. Потревоженные въ своемъ снѣ, Мишенька всталъ на дыбы и заревѣлъ благимъ матомъ. Перепуганныя лошади шарахнулись въ сторону и, сорвавшись съ коновязи, разскакались по всему лагерю. Гдѣ-то раздался какой-то выстрѣлъ; дежурный барабанщикъ забилъ тревогу, и весь отрядъ вскочилъ на ноги. Ошалѣвшему со страха Мишкѣ, сопровождаемому стаей лагерныхъ собакъ, удалось невредимо вырваться изъ лагеря и благополучно ретироваться во свояси.

Работы подвигались; укрѣпленія почти-что были окончены: это былъ небольшой, но чрезвычайно прочно выстроенный редутъ; ровъ

имѣлъ до 3-хъ сажень ширины и до 4-хъ глубины; валъ возвышался надъ уровнемъ земли еще на 3 сажени, такъ что вся стѣна укрѣпленія имѣла отъ дна рва до верхушки вала 7 сажень. По косогору своему валъ былъ защищенъ крѣпкимъ частоколомъ. Для безопасности гарнизона былъ устроенъ подъемный, на цѣпяхъ, мостъ. Самая внутренность укрѣпленія вмѣщала въ себѣ небольшую оборонительную казарму примѣрно человекъ на 100, и тутъ же находился крошечный въ 2 комнатки офицерскій домикъ; по двумъ діагональнымъ угламъ четырехъ-угольнаго укрѣпленія были устроены двѣ полукруглыя батареи, защищенныя турами и фашинами. Надъ единственными воротами укрѣпленія, выходящими на подъемный мостъ, была устроена крытая вышка для часоваго. Гарнизону предполагалось держаться въ этомъ укрѣпленіи въ слѣдующимъ составѣ: одна полурота пѣхоты, подъ начальствомъ офицера (онъ же и комендантъ укрѣпленія) и артиллерійская команда, подъ начальствомъ фейрверкера при двухъ крѣпостныхъ орудіяхъ, назначаемыхъ по одному на каждую батарею.

Цѣль этого укрѣпленія была исключительно сторожить передовую линію. Понятно, по своей малочисленности, гарнизонъ самостоятельно предпринять ничего не могъ. Единственною его задачею было, при видѣ непріятеля, условнымъ числомъ выпущенныхъ выстрѣловъ, давать знать на передовую линію о численности непріятельскихъ партій; въ случаѣ же явнаго нападенія на укрѣпленіе, гарнизонъ былъ обезпеченъ всѣми средствами до прибытія къ нему помощи. Ближайшая станица Ассинская находилась всего въ 12 верстахъ, да при томъ еще близъ этой мѣстности войска стояли постоянно лагеремъ, такъ что положеніе маленькаго гарнизона нельзя сказать чтобы было опасно. Укрѣпленіе получило названіе Новаго Очхоя, въ память когда-то существовавшаго близъ этой мѣстности другаго Стараго Очхоя. Судьба этого укрѣпленія мы неизвѣстна, такъ какъ скорѣе я покинулъ эти мѣста.

XIV.

Нѣсколько спустя послѣ посѣщенія медвѣдемъ нашего лагеря, случилась другая тревога, на этотъ разъ посерьезнѣе, имѣвшая для весьма многихъ самый трагическій исходъ. Ежедневно обыкновенно наряжалась команда человекъ въ 70, подъ начальствомъ офицера, въ ближайшій лѣсъ для рубки необходимаго для крѣпостныхъ работъ хвороста. Команда эта обыкновенно выступала изъ лагеря рано утромъ, проводила къ лѣсу весь день, тамъ и обѣдала, для чего увозила, по обыкновенію, котлы и передъ заходомъ солнца возвращалась въ лагерь, избравъ съ собой повозки съ лѣснымъ матеріаломъ.

Въ послѣднихъ числахъ Іюня, команда подъ начальствомъ одного изъ нашихъ юнкеровъ, отправилась по обыкновенію въ лѣсъ. Въ этотъ

день дежурнымъ по баталіону и лагерю быть я. Обошедши всѣ посты и пикеты, я возвратился въ свою палатку, пообѣдалъ и лежа, на кровати, спокойно покуривалъ только что скрученную папиросу. Вдругъ выстрѣлъ... другой... третій, и мгновенно всѣ наши посты и пикеты начали оживленную перестрѣлку.

Я выскочилъ изъ палатки, выбѣжалъ на передовой фасъ лагеря и остановился какъ вкопанный, глазамъ своимъ не вѣря: густыя массы коннаго и пѣшаго непріятеля наступали на лагерь со стороны поляны. Моментально весь отрядъ былъ на ногахъ; ударили тревогу, весь отрядъ вскочилъ на ноги и выстроился. Баталіонный адъютантъ подпоручикъ Щ., собравъ наскоро свою штучерную команду, бѣгомъ пустился на встрѣчу непріятеля и, остановившись отъ него на разстояніи 500—600 шаговъ, рассыпалъ своихъ стрѣлковъ цѣпью, съ намѣреніемъ, по возможности, задержать его наступленіе. Артиллеристы хлопотали около своихъ орудій. Ротные командиры выстраивали свои части и готовились къ бою. Вскорѣ показался Баженовъ. Онъ осмотрѣлъ позицію и, съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ и вѣрностью взгляда, тотчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло. Какъ теперь помню, обратясь къ намъ, онъ воскликнулъ: «это отводъ глазъ!» и вслѣдъ затѣмъ отдалъ приказаніе дежурной ротѣ насколько возможно спѣшнѣе бѣжать въ лѣсъ на выручку находящейся тамъ команды. Быстрое предположеніе А. А. оправдалось вполне. Нападеніе съ поля было дѣйствительно отводомъ глазъ. Непріятель никогда въ то время на Кавказѣ не рѣшался нападать на насъ въ открытомъ полѣ. Исключенія были весьма рѣдкія. Горцы всегда избѣгали встрѣчи съ нашими штыками и оказывали должное уваженіе картечнымъ залпамъ нашей артиллеріи.

На этотъ разъ дѣло заключалось вотъ въ чемъ: сильная непріятельская партія, преимущественно конная, подъ начальствомъ того самаго наиба Саибъ-Дулы, котораго мы довольно безуспѣшно преслѣдовали мѣсяцъ назадъ, вышедши въ двухъ верстахъ отъ нашего лагеря изъ лѣса, сдѣлала по открытому полю диверсію съ той стороны лагернаго фаса, которая была туда обращена, чтобы привлечь на себя вниманіе всего отряда, но держась отъ него въ довольно почтительномъ разстояніи въ сферѣ тогдашняго ружейнаго огня.

Одновременно съ этой партіей дѣйствовала и другая—пѣшая, какъ впослѣдствіи опредѣлили, въ 800 человекъ. Вотъ эта-то партія и предназначена была для настоящаго удара. Узнавъ подробно отъ своихъ лазутчиковъ всѣ обычаи и привычки нашего отряда и зная, что въ лѣсу находилась небольшая команда, всего человекъ въ 70, она тихонько, какъ только горцы умѣютъ это дѣлать, къ ней подкралась (якъ кошка, какъ выражались потомъ уцѣлѣвшіе солдаты) и, выбравъ са-

мую удачную минуту, когда люди послѣ обѣда расположились на отдыхъ, внезапно со всѣхъ сторонъ бросилась на нихъ въ шашки. Маневръ этотъ, увы! вполне удался непріятелю. Прежде чѣмъ наша команда могла опомниться и встать въ ружье, люди поодиночно были всѣ истреблены. Прибѣжавшая на выручку дежурная рота застала почти только одни изрубленные и уже до-гола обобранные непріателемъ трупы. Изъ всей команды спаслась самая незначительная часть, примѣрно чело-вѣкъ до 10-ти, но въ томъ числѣ и юнкеръ, который былъ за старшаго. Понятно, что всѣ наши повозки и казенные кони были загнаны непріателемъ. Дежурная рота немедленно дала знать въ лагерь. Посланы были въ лѣсъ новыя подводы, и солнце не успѣло еще зайти, какъ изъ-за опушки показалась возвращаяся дежурная рота, конвоирующая печальную вереницу фургоновъ, переполненныхъ трупами и тяжело ранеными.

Грустно всѣмъ намъ было въ эту памятную ночь: стоны раненыхъ и умирающихъ разносились по всему лагерю, и почти никто изъ насъ глазъ не сомкнулъ. Каждый давалъ изъ своего бѣлья необходимый матеріалъ для бинтовъ, потребовавшійся внезапно въ такомъ большомъ количествѣ, и вообще всѣ старались помогать раненымъ, кто чѣмъ могъ.

Баженовъ сильно былъ пораженъ происшедшимъ. Дня два спустя, хоронили убитыхъ въ одну общую могилу, и я самъ видѣлъ, какъ, при опусканіи тѣла, онъ, стоя безъ шапки, рыдалъ навзрыдъ. Благородное сердце его долго не могло успокоиться, и онъ видимо всѣ послѣдующіе дни терзалъ себя внутреннимъ вопросомъ: не виноватъ-ли онъ чѣмъ либо въ этомъ? Но, впрочемъ, напрасно онъ себя такъ мучилъ. По моему, онъ ни въ чемъ виноватъ не былъ. Всѣ обыкновенныя предосторожности были взяты: даже, я помню, команда забрала съ собою нѣсколько ротныхъ собакъ. Но даже чутье умныхъ животныхъ не могло открыть близость непріятеля: такъ онъ тихо подкрался. На то и война! Гдѣ рубятъ лѣсъ, понятно, летятъ и щепки; всего предугадать и предусмотрѣть чело-вѣкъ не въ силахъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ прискорбнаго дѣла, прибылъ въ лагерь начальникъ Унджинской линіи, во главѣ отряда, изъ кавалеріи, 2-й роты 3-го баталіона. Наша 3-я гренадерская присоединилось къ нему, и насъ куда-то двинули въ глубь лѣса, для разоренія и наказанія того непріятельскаго аула, изъ котораго, какъ предполагали, двинулась на насъ шайка Саибъ-Дулы.

Но предполагаемая *vendetta* намъ также не удалась, какъ и движеніе барона Вревскаго, мѣсяцъ тому назадъ. Предупрежденный во время, непріятель успѣлъ спокойно собрать все свое семейство, всѣ

свои пожитки и удалился въ глубь страны, такъ что, когда мы прибыли къ аулу, то застали только пустыя стѣны и небольшую шайку отчаянныхъ Абрековъ, оставшихся единственно для того чтобы доставить себѣ удовольствіе занять насъ перестрѣлкой.

XV.

Вскорѣ затѣмъ, примѣрно въ серединѣ Сентября, ожидая со дня на день производства въ офицеры, я отпросился у Баженова въ штабъ-квартиру полка, къ которому я имѣлъ намѣреніе прикомандироваться до моего производства, а къ тому времени исподоволь подготовить себѣ необходимую экипировку. Баженовъ взявъ съ меня обѣщаніе, что куда бы я ни былъ произведенъ, передъ отправленіемъ къ новому мѣсту служенія, я пріѣхалъ бы на линію проститься съ 3-мъ баталіономъ.

Прибывъ во Владикавказъ и устроивъ свое прикомандированіе къ штабу, я поселился на Навагинскомъ форштатѣ, на одной квартирѣ съ двумя Навагинскаго полка юнкерами. Одинъ изъ нихъ Э. умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, состоя въ должности адъютанта при начальникѣ Владикавказскаго отдѣла. Другой Ц. донинѣ здравствуетъ и проживаетъ себѣ въ Москвѣ отцомъ многочисленнаго семейства. Э. былъ замѣчательный артистъ на віолончели, участвовалъ въ то время въ разныхъ концертахъ, устраиваемыхъ въ городѣ, и нерѣдко услаждалъ нашъ слухъ своею превосходною игрою. Такимъ образомъ провелъ я три мѣсяца, спокойно отдыхая послѣ походныхъ и лагерныхъ трудовъ, пока не узналъ, что высочайшимъ приказомъ отъ 13 Ноября я былъ произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ одинъ изъ резервныхъ полковъ, находившихся въ то время въ составѣ южной арміи.

Потѣхавъ на линію, я простился съ Александромъ Алексѣвичемъ и всѣмъ 3-мъ батальономъ, и въ Декабрѣ 1855 года выѣхалъ къ мѣсту новаго назначенія.

XVI.

Осенью 1860 года я снова очутился на Кавказѣ, уже въ Тверскомъ драгунскомъ полку, штабъ-квартира котораго находилась на правомъ флангѣ въ одной изъ станицъ нынѣшней Кубанской области.

Перемѣтивъ за пять лѣтъ моего отсутствія я нашелъ множество. Все, что было тогда знатной молодежи, стремилось подъ начальство князя Барятинскаго. Кавказскій корпусъ былъ переименованъ въ Кавказскую армію и увеличенъ всѣми войсками, пришедшими изъ Россіи въ минувшую Крымскую кампанію. Столь грозный для насъ пять лѣтъ тому назадъ Шамиль спокойно проживалъ въ это время въ Калугѣ; большинство его мюридовъ и наибовъ были перебиты, а оставшіеся въ живыхъ изъявили нашему правительству совершенную покорность.

Ведень—это грозное гнѣздо его могущества, пять лѣтъ тому назадъ считавшееся до такой степени неприступнымъ, что если бы кто въ разговорѣ дерзнулъ пророчить его скорое паденіе, то надъ нимъ разсмѣялись бы въ глаза,—еще въ 1859 году штурмомъ былъ взятъ колонною подъ начальствомъ полковника А. А. Баженова и нынѣ служилъ штабъ-квартирою Куринскаго пѣхотнаго полка.

Въ вооруженіи нашей арміи я засталъ тоже большія перемѣны. Кремневые ружья, которыми прежде были снабжены войска, передѣланы въ парѣзныя-ударныя, и горцы, столь еще недавно гнушавшіеся нашимъ ружейнымъ огнемъ, нынѣ стали оказывать нашему оружію уваженіе, а прежнія удалыя джигитовки лихихъ ихъ наѣзтниковъ на близкомъ разстояніи цѣпи или сомкнутого строя, если еще не совсемъ прекратились, то съ каждымъ днемъ становились рѣже и рѣже.

На лѣвомъ флангѣ дѣла считались уже оконченными, и все вниманіе тогдашняго начальства было устремлено на правый флангъ, гдѣ нѣкоторыя племена намъ оказывали упорное сопротивленіе.

Старинные наши пріятели-враги Чеченцы, Тавлинцы, Лезгинцы уже болѣе не встрѣчались, и взаимнѣ ихъ намъ приходилось имѣть дѣло съ племенами: Аббазехами, Убыхами, Шапзухами и пр.

Войскъ на правомъ флангѣ было стянуто множество, и хотя непріятель оказывалъ иногда самое упорное сопротивленіе, но вообще ходъ нашихъ дѣйствій былъ самый успѣшный.

Пять лѣтъ тому назадъ на Кавказѣ существовалъ только одинъ полкъ кавалеріи: Нижегородскій драгунскій. По окончаніи Крымской кампаніи, онъ былъ раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ первая сохранила древнее названіе Нижегородцевъ, а вторая переименована въ Сѣверскій драгунскій полкъ.

Два другіе драгунскіе полка, пришедшіе въ то время изъ Россіи—Тверскій и Переяславскій, были къ нимъ присоединены и совокупно составили сводно-Кавказскую драгунскую дивизію, штабъ-квартира коей находилась въ Ставрополѣ. Драгунская наша дивизія въ то время просто выкидывала чудеса. Она наводила такой паническій ужасъ на непріятеля лихими своими атаками, что слава о ней далеко распространилась среди вражескихъ племенъ праваго фланга, а подъ конецъ непріятель не смѣлъ даже принимать отъ нея боя, и стоило гдѣ либо показаться драгунскому эскадрону, чтобы заставить его поспѣшно ретироваться.

Лѣтомъ 1861 года мнѣ пришлось принять участіе въ одной экспедиціи подъ начальствомъ генерала Бабича, цѣль которой заключалась, пропикнувъ въ глубь непріятельской страны по старой заброшенной дорогѣ, такъ называемой Вельяминовской (по которой шелъ генералъ

Вельяминовъ въ 1830 г.) выйти къ берегу Чернаго моря и занять бывшее наше укрѣпленіе Геленджикъ, который въ числѣ другихъ былъ заброшенъ нами во время Крымской кампаніи. Движеніе это удалось исполнить. Старавшійся преградить намъ путь непріятель изъ разныхъ смѣшанныхъ племенъ, между которыми преобладалъ элементъ Шашугскій былъ, въ неоднократныхъ стычкахъ опрокинутъ и разсѣянъ, и конечная цѣль нашего движенія, Геленджикъ, послѣ предварительнаго горячаго и кровопролитнаго боя, былъ нами занятъ.

По окончаніи экспедиціи, я отпросился на воды въ Пятигорскъ и здѣсь къ неожиданной моей радости встрѣтился съ А. А. Баженовымъ.

Въ теченіе нашей разлуки, Баженовъ, все время находясь въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ, быстро поднимался по службѣ. Въ это время онъ успѣлъ получить слѣдующія награды, всѣ безъ исключенія за отличія въ дѣлахъ противъ непріятелей: неоднократныя высочайшія благоволенія, знаки отличія безпорочной службы за XV и XX лѣтъ, орденъ Св. Станислава 2-й степени съ Императорской короной и мечами, чинъ полковника, орденъ Св. Владимира 3-й степени съ мечами, бантъ на пмѣющийся орденъ Св. Георгія 4-й степени, за выслугу XXV лѣтъ, за молодецкій штурмъ и взятіе Воденя 1 Апрѣля 1859 г., назначеніе командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, чинъ генераль-маіора и наконецъ орденъ Св. Станислава 1-й степени съ мечами.

Когда я встрѣтился съ нимъ, онъ уже сдалъ командованіе Тенгинскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, числясь по армейской пѣхотѣ, состоялъ при Кавказской арміи.

Онъ въ это время собирался въ отпускъ въ Москву и съ радостными слезами на глазахъ читалъ мнѣ письмо своей матери, въ которомъ она, между прочимъ писала: «Покажись же, другъ Саша, скорѣе на глаза; дай мнѣ посмотрѣть, что ты тамъ за генералъ такой?» Такъ какъ я самъ пмѣлъ въ виду въ то время ѣхать въ Москву, то мы съ нимъ разстались, сказавъ другъ другу: до скораго свиданія. И дѣйствительно, вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, мы выѣхали съ Кавказа въ Россію и въ Октябрѣ мѣсяцѣ снова сошлись въ Москвѣ.

Въ началѣ Ноября онъ возвратился на Кавказъ, не успѣвъ, несмотря на все свое краснорѣчіе, убѣдить старушку слѣдовать за нимъ. На всѣ его усиленныя мольбы и просьбы переѣхать во Владикавказъ, гдѣ онъ брался ее окружить всевозможнымъ вниманіемъ и удобствами жизни, старушка неуклонно твердила одно и то же: «гдѣ прожила свой вѣкъ, тамъ и умру». Радуюсь успѣхамъ своего сына, она принимала отъ него денежное пособіе въ весьма ограниченномъ количествѣ и ни за что и ни въ чемъ не захотѣла измѣнить свой всегдашній образъ жизни.

Послѣ отъѣзда сына Екатерина Ивановна, точно сознавая что вся ея земная задача окончена, слегла въ постель, проболѣла недѣли двѣ и тихо отошла въ лучший міръ, устремивъ свои потухающіе глаза на портретъ сына, висящій надъ ея кроватью. Баженовъ узналъ о ея кончинѣ, уже пріѣхавши во Владикавказъ. Одинъ общій мой знакомый, пославъ ему это грустное извѣстіе, показывалъ потомъ мнѣ его отвѣтное письмо; весь тонъ его былъ таковъ, что видно было, что оно писано было человѣкомъ находящимся подъ чувствомъ и гнетомъ невообразимой скорби; между прочимъ, какъ теперь помню, встрѣчалась слѣдующая трогательная фраза: «ну, къ чему я теперь и зачѣмъ?!» Заслуженный боевой Кавказскій генералъ чувствовалъ себя въ эти минуты беззащитнымъ сиротой.

Въ слѣдующемъ 1862 году я покончилъ свою военную службу, подалъ въ отставку и осенью выѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ долгіе годы.

Откомандовавъ 20-й пѣхотной дивизію, Баженовъ отчислился по армейской пѣхотѣ и запаснымъ войскамъ и осенью 1868 года прибылъ въ Москву, гдѣ и водворился на жительство.

«Русскому человѣку Москвы не миновать», говаривалъ онъ. Въ Москвѣ онъ родился, къ ней, въ теченіи всей жизни своей, стремился мыслями и сердцемъ, и въ ней предопредѣлено было ему окончить дни свои.

Въ Москвѣ Баженовъ устроилъ свою жизнь, также какъ и на Кавказѣ, сохранивъ тѣже привычки и почти также распредѣливъ всѣ часы дня.

Вставалъ онъ обыкновенно рано, въ 6 часовъ и отправлялся гулять. Часовъ въ 8 возвращался домой и пилъ чай, затѣмъ садился за письменный столъ, читалъ газеты и занимался перепискою. Въ этомъ положеніи обыкновенно и заставляли его всѣ приходившіе къ нему утромъ. Кто не помнитъ его постоянно пріятливаго и ласковаго пріема? Всегда спокойный и веселый духомъ, онъ какъ-то успокоительно-отрадно дѣйствовалъ на каждого, говорившаго съ нимъ. Его простая, здравая, осмысленная Русская рѣчь, чуждая всякаго пафоса и эффектныхъ выраженій, но за то всегда дышущая правдивостью, слушалась съ особеннымъ удовольствіемъ. Покойный Баженовъ былъ изъ числа тѣхъ (къ сожалѣнію весьма немногихъ) людей, которые со словомъ обращаются честно и осторожно, глубоко сознавая ту истину что опрометчивое слово, подчасъ для чужаго ума, можетъ служить посявомъ мысли ложной или вредной. Въ наше грустное время, когда не только что изустное слово, но и печатное, часто служитъ проводникомъ заблужденія, а подъ часъ и явно сознательной лжи, подобные люди поневолѣ вспоминаются и цѣнятся.

Въ часть пополудни, Баженовъ опять выходилъ гулять или дѣлалъ визиты и возвращался домой обыкновенно къ 3-мъ, и въ началѣ 4-го садился обѣдать. Впослѣдствіи, когда онъ записался въ члены Англійскаго Клуба, онъ почти ежедневно сталъ обѣдать въ Клубѣ, наблюдая крайнюю воздержность. Субботніе тамошніе обѣды онъ не долюбивалъ. «Просто грѣшно такъ много ѣсть», говаривалъ онъ, бывало. Вообще въ теченіи всей жизни онъ былъ крайне воздерженъ относительно ѣды и питья. Превосходная библіотека Московскаго Англійскаго Клуба удовлетворяла его живой любознательности. Читалъ онъ чрезвычайно много, забирая къ себѣ книги на домъ или проводя цѣлые часы въ газетной комнатѣ.

Баженовъ очень любилъ спектакли, и почти всѣ вечера проводилъ въ театрѣ. Такъ какъ нашъ театралъный репертуаръ довольно бѣденъ, то я, помню, часто надъ нимъ, въ этомъ отношеніи, подшучивалъ, удивляясь его терпѣнію смотрѣть нѣсколько разъ сряду однихъ и тѣже піесы. Когда грянула война 1877 года, Баженовъ рѣшилъ, что грѣшно веселиться, когда проливается Русская кровь, и далъ себѣ слово, до окончанія войны, ни разу не посѣщать театра, и конечно сдержалъ данное себѣ слово. Годовой же свой театралъный расходъ, въ размѣрѣ 500 р., онъ пожертвовалъ въ пользу Краснаго Креста.

Наканунъ каждаго праздника, Баженовъ непремѣнно бывалъ у всенощной. У него чувство любви къ православной церкви и къ своей родинѣ было однимъ общимъ чувствомъ. Онъ никогда не допускалъ возможности раздѣла между ними.

Разъ, на вопросъ мой: почему онъ всегда бываетъ у всенощной, а иногда пропускаетъ обѣдню, онъ мнѣ отвѣчалъ, что покойная мать его съ дѣтства приучила его всегда соблюдать канунъ каждаго праздника. Ѣздилъ онъ всегда въ университетскую церковь, пресвитеръ которой, отецъ Сергіевскій, былъ его духовникомъ.

По Субботамъ, по возвращеніи отъ всенощной, у него всегда собирався небольшой кругъ знакомыхъ, преимущественно Кавказскихъ сослуживцевъ, и садились играть въ лото. Это лото въ Москвѣ возобновлено было въ память лото на Кавказѣ, которое улаждало наши вечера на Суняжинской линіи въ то время, когда еще А. А. командовалъ 3-мъ баталіономъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка. Играли весьма умеренно. Рѣдко кончалась игра болѣе 10-и или 15-и р. розницы. Съ каждой квинты откладывалось въ лото по нѣсколько копѣекъ, такъ что подъ конецъ собиравалась нѣкоторая сумма, и лото имѣло свою собственную кассу. Въ началѣ 50-хъ годовъ на эти деньги, я помню, была выписана цѣлая библіотека для офицеровъ 3-го баталіона. Касса Московскаго лото предназначалась на разныя благотворительныя дѣла, а

иногда на какое нибудь общее удовольствіе; такъ напр. я помню, что когда въ началѣ 1874-го года, я возвратился въ Москву изъ Хивинскаго похода, то по общему соглашенію всѣхъ субботниковъ (какъ мы другъ друга называли) участники лото чествовали меня обѣдомъ въ гостинницѣ Эрмитажѣ. По кончинѣ Баженова кончило свое существованіе и лото. Какъ мы потомъ ни старались его возобновить, ничего изъ этого не вышло. Души нашего кружка не стало, и самый кружокъ навсегда рассыпался...

Съ наступленіемъ лѣта Баженовъ обыкновенно уѣзжалъ мѣсяца на 3 на 4 либо на Кавказскія воды, либо въ Крымъ. Слугѣ своему Иванченкѣ сказать бывало: такого-то числа, въ такомъ-то мѣсяцѣ, буду назадъ, и тотъ такъ прямо и ѣхалъ встрѣчать его на желѣзную дорогу.

Въ числѣ многихъ качествъ покойнаго, особенно выдающейся чертою его характера была прочность его отношеній съ кѣмъ-бы то ни было. Разъ познакомившись съ человѣкомъ, онъ всю жизнь съ участіемъ слѣдилъ за его судьбою. Въ 50-хъ годахъ отошелъ отъ него въ безсрочный отпускъ бывшій его казенный деньщикъ Лапинскій (уроженецъ западныхъ губерній). До самой кончины своей Баженовъ съ нимъ переписывался. Какъ теперь вижу передъ собою нѣкоторыя письма Лапинскаго со всегдашнимъ адресомъ: «Его благородію анералу-лейтенанту Баженову». А. А. тотчасъ-же ему бывало отвѣчаетъ, съ сердечнымъ участіемъ взойдетъ во всѣ подробности его житія-бытія, дастъ ему нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, а подъ часъ, вѣроятно, дѣло не обходилось и безъ денежнаго вспоможенія. Добра покойный Александръ Алексѣевичъ дѣлалъ очень много. При жизни его никто ничего не зналъ, а по кончинѣ его оказалось, что цѣлая четвертая часть его скромнаго достатка шла на разныя пенсіи, и т. п.

Выдающимся событіемъ послѣднихъ лѣтъ жизни Баженова была высочайшая къ нему милость въ день столѣтней годовщины учрежденія ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. По особенному ходатайству покойнаго фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, всегда высоко цѣнившаго боевыя заслуги Баженова, Государь Императоръ собственноручно (А. А. былъ въ тѣ дни въ Петербургѣ) возложилъ на него орденскіе знаки 3-й степени, въ награду за его боевую дѣятельность въ теченіи его 30-и лѣтней службы на Кавказѣ. До того еще Баженовъ имѣлъ Георгія за 25 лѣтъ, и Георгія 4-й ст. за мужество и храбрость, оказанную при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Ведень.

Прискорбныя событія, омрачившія за послѣдніе годы жизнь всего Русскаго народа, разрушительно подѣйствовали какъ на состояніе духа, такъ и на самое здоровье Баженова. Его впечатлительное сердце сильно скорбѣло отъ ложнаго направленія, даннаго современнымъ образова-

нiемъ Русской молодежи, и онъ съ какимъ-то ужасомъ относился къ духу невѣрiя. Въ послѣднiе мѣсяцы своей жизни онъ часто повторялъ слова: «Совсѣмъ безотрадно жить становится». За четыре дня до его кончины мы были съ нимъ вмѣстѣ въ Англійскомъ Клубѣ, и хотя онъ и жаловался на стѣсненiе въ груди и на одышку, но кто могъ тогда предвидѣть, что такъ близокъ конецъ его? Мѣсто его воспитанiя, Московская первая военная гимназiя, готовилась къ празднованiю столѣтняго своего юбилея. Съѣхались въ Москву школьные товарищи Баженова, и онъ долженъ былъ украсить собою этотъ праздникъ. За два дни до него, 22-го Ноября 1878-го года, послѣ трехъ-дневной болѣзни, А. А. Баженова не стало.

Вѣчная память этой честной, благородной и любящей душѣ!